

Дж. Р. Р. Толкин

ХОББИТ, или Туда и Обратно

Иллюстрации М. Беломлинского

Джон Толкин

Хоббит, или Туда и Обратно

«ФТМ»
«Издательство АСТ»

1937

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Хоббит, или Туда и Обратно / Д. Р. Толкин — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», 1937

ISBN 978-5-17-081760-3

Перед вами – самая любимая волшебная сказка для детей в самом любимом оформлении Михаила Беломлинского и в прекрасном переводе Натальи Рахмановой, знакомом каждому. Именно с нее начинается знакомство с чудесным миром Средиземья. Но величественная трилогия о Кольце Всевластья случится чуть позже, а сейчас в уютную норку хоббита Бильбо вот-вот постучится Приключение, и он в компании гномов и волшебника Гэндальфа отправится в дальнейшее путешествие на поиски пропавших сокровищ...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-081760-3

© Толкин Д. Р., 1937
© ФТМ, 1937
© Издательство АСТ, 1937

Содержание

1. Нежданные гости	8
2. Баранье жаркое	25
3. Передышка	35
4. Через гору и под горой	41
5. Загадки в темноте	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джон Толкин

Хоббит, или Туда и Обратно

John R. R. Tolkien
The Hobbit
or There and Back again

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© The J. R. R. Tolkien, Copyright Trust, 1937, 1951, 1966, 1978

© Н. Рахманова, перевод на русский язык

© М. Беломлинский, иллюстрации

© Перевод стихов. И. Комарова, Г. Усова

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Дж. Р. Р. Толкин

ХОББИТ, или Туда и Обратно

1. Нежданные гости

Жил-был в норе под землей хоббит. Не в какой-то там мерзкой грязной сырой норе, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего съесть. Нет, нора была хоббичья, а значит – благоустроенная.

Она начиналась идеально круглой, как иллюминатор, дверью, выкрашенной зеленой краской, с сияющей медной ручкой точно посередине. Дверь отворялась внутрь, в длинный коридор, похожий на железнодорожный туннель, но туннель без гари и без дыма и тоже очень благоустроенный: стены там были обшиты панелями, пол выложен плитками и устлан ковром, вдоль стен стояли полированные стулья, и всюду были прибиты крючочки для шляп и пальто, так как хоббит любил гостей. Туннель вился все дальше и дальше и заходил довольно глубоко, но не в самую глубину Холма, как его именовали жители на много миль в округности. По обеим сторонам туннеля шли двери – много-много круглых дверей. Хоббит не признавал восхождений по лестницам: спальни, ванны, погреба, кладовые (целая куча кладовых), гардеробные (хоббит отвел несколько комнат под хранение одежды), кухни, столовые располагались в одном этаже и, более того, в одном и том же коридоре. Лучшие комнаты находились по левую руку, и только в них имелись окна – глубоко сидящие круглые окошечки с видом на сад и на дальние луга, спускавшиеся к реке.

Наш хоббит был весьма состоятельным хоббитом по фамилии Бэггинс. Бэггинсы проживали в окрестностях Холма с незапамятных времен и считались очень почтенным семейством не только потому, что были богаты, но и потому, что с ними никогда и ничего не приключалось и они не позволяли себе ничего неожиданного: всегда можно было угадать заранее, не спрашивая, что именно скажет тот или иной Бэггинс по тому или иному поводу. Но мы вам поведаем историю о том, как одного из Бэггинсов втянули-таки в приключения и, к собственному удивлению, он начал говорить самые неожиданные вещи и совершать самые неожиданные поступки. Может быть, он и потерял уважение соседей, но зато приобрел... впрочем, увидите сами, приобрел он в конце концов или нет.

Матушка нашего хоббита... кстати, кто такой хоббит? Пожалуй, стоит рассказать о хоббитах подробнее, так как в наше время они стали редкостью и сторонятся Высокого Народа,

как они называют нас, людей. Сами они низкорослый народец, примерно в половину нашего роста и пониже бородатых гномов. Бороды у хоббитов нет. Волшебного в них тоже в общем-то ничего нет, если не считать волшебным умение быстро и бесшумно исчезать в тех случаях, когда всякие бестолковые, неуклюжие верзилы вроде нас с вами, с шумом и треском ломаются, как слоны. У хоббитов толстенькое брюшко; одеваются они ярко, преимущественно в зеленое и желтое; башмаков не носят, потому что на ногах у них от природы жесткие кожаные подошвы и густой теплый бурый мех, как и на голове. Только на голове он курчавится. У хоббитов длинные ловкие темные пальцы на руках, добродушные лица; смеются они густым утробным смехом (особенно после обеда, а обедают они, как правило, дважды в день, если получится).

Теперь вы знаете достаточно, и можно продолжать.

Как я уже сказал, матушка нашего хоббита, то есть Бильбо Бэггинса, была легендарная Белладонна Тук, одна из трех достопамятных дочерей Старого Тука, главы хоббитов, живших По Ту Сторону Реки, то есть речушки, протекавшей у подножия Холма. Поговаривали, будто давным-давно кто-то из Туков взял себе жену из эльфов. Глупости, конечно, но и до сих пор во всех Туках и в самом деле проскальзывало что-то не совсем хоббитовское: время от времени кто-нибудь из клана Туков пускался на поиски приключений. Он исчезал вполне деликатно, и семья старалась замять это дело. Но факт остается фактом: Туки считались не столь почтенным родом, как Бэггинсы, хотя, вне всякого сомнения, были богаче.

Нельзя, правда, сказать, что после того как Белладонна Тук вышла замуж за мистера Банго Бэггинса, она когда-нибудь пускалась на поиски приключений. Банго, отец героя нашей повести, выстроил для нее (и отчасти на ее деньги) роскошную хоббичью нору, роскошней которой не было ни Под Холмом, ни За Холмом, ни По Ту Сторону Реки, и жили они там до конца своих дней. И все же вполне вероятно, что Бильбо, ее единственный сын, по виду и всем повадкам точная копия своего солидного благопристойного папаши, получил от Туков в наследство какую-то странность, которая только ждала случая себя проявить. Такой случай не подворачивался долго, так что Бильбо Бэггинс успел стать взрослым хоббитом, лет этак около пятидесяти; он жил-поживал в прекрасной хоббичьей норе, построенной отцом, в той самой, которую я так подробно описал в начале главы, и казалось, он никуда уже не двинется с места.

Но случилось так, что однажды в тиши утра, в те далекие времена, когда в мире было гораздо меньше шума и больше зелени, а хоббиты были многочисленны и благоденствовали, Бильбо Бэггинс стоял после завтрака в дверях и курил свою деревянную трубку, такую длинную, что она почти касалась его мохнатых ног (кстати, аккуратно причесанных щеткой). И как раз в это время мимо проходил Гэндальф.

Гэндальф! Если вы слышали хотя бы четверть того, что слышал про него я, а я слышал лишь малую толику того, что о нем рассказывают, то вы были бы подготовлены к любой самой невероятной истории. Истории и приключения вырастали как грибы всюду, где бы он ни появлялся. Он не бывал в этих краях уже давным-давно, собственно говоря, с того дня, как умер его друг Старый Тук, и хоббиты уже успели забыть, каков Гэндальф с виду. Он отсутствовал по своим делам с той поры, когда все они были еще хоббитами.

Так что в то утро ничего не подозревавший Бильбо просто увидел какого-то старика с посохом. На старике была высокая островерхая синяя шляпа, длинный серый плащ, серебряный шарф, громадные черные сапоги, и еще у него была длинная, ниже пояса, белая борода.

– Доброе утро! – произнес Бильбо, желая сказать именно то, что утро доброе: солнце ярко сияло и трава зеленела. Но Гэндальф метнул на него острый взгляд из-под густых косматых бровей.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил он. – Просто желаете мне доброго утра? Или утверждаете, что утро сегодня доброе – не важно, что я, о нем думаю? Или имеете в виду, что нынешним утром все должны быть добрыми?

– И то, и другое, и третье, – ответил Бильбо. – И еще – что в такое дивное утро отлично выкурить трубочку на воздухе. Если у вас есть трубка, присаживайтесь, отведайте моего табачку! Торопиться некуда, целый день впереди!

И Бильбо уселся на скамеечку возле двери, скрестил ноги и выпустил красивое серое колечко дыма; оно поднялось вверх и поплыло вдаль над Холмом.

– Прелестно! – сказал Гэндальф. – Но мне сегодня некогда пускать колечки. Я ищу участника приключения, которое я нынче устраиваю, но не так-то легко его найти.

– Еще бы, в наших-то краях! Мы простой мирный народ, приключений не жалуем. Бр-р, от них одно беспокойство и неприятности! Еще, чего доброго, пообедать из-за них опоздаешь! Не понимаю, что в них находят хорошего, – сказал наш мистер Бэггинс и, заложив большой палец за подтяжку, опять выпустил колечко, еще более роскошное. Затем достал из ящика утреннюю почту и начал читать, притворяясь, будто забыл о старике. Он решил, что тот не внушает доверия, и надеялся, что старик пойдет своей дорогой. Но тот и не думал уходить. Он стоял, опершись на посох, и, не говоря ни слова, глядел на хоббита так долго, что Бильбо совсем смутился и даже немного рассердился.

– Доброго утра вам! – произнес он наконец. – Мы тут в приключениях не нуждаемся, благодарствуйте! Поищите компаньонов За Холмом или По Ту Сторону Реки.

Он хотел дать понять, что разговор окончен.

– Для чего только не служит вам «доброе утро», – сказал Гэндальф. – Вот теперь оно означает, что мне пора убраться.

– Что вы, что вы, милейший сэръ! Позвольте... кажется, я не имею чести знать ваше имя...

– Имеете, имеете, милейший сэр, а я знаю ваше, мистер Бильбо Бэггинс, и вы мое, хотя и не помните, что это я и есть. я – Гэндальф, а Гэндальф – это я! Подумать, до чего я дожил: сын Бэлладонны Тук отделяется от меня своим «добрым утром», как будто я пуговицами вразнос торгую!

– Гэндальф! Боже милостивый, Гэндальф! Неужели вы тот самый странствующий волшебник, который подарил Старому Туку пару волшебных бриллиантовых запонок, – они еще застегивались сами, а расстегивались только по приказу? Тот, кто рассказывал на дружеских пирушках такие дивные истории про драконов и гоблинов¹, про великанов и спасенных принцесс и везучих сыновей бедных вдов? Тот самый, который устраивал такие неподражаемые фейерверки? Я их помню! Старый Тук любил затевать их в канун Иванова дня². Какое великолепие! Они взлетали кверху, точно гигантские огненные лилии, и львиный зев, и золотой дождь, и держались весь вечер в сумеречном небе!

Вы, вероятно, уже заметили, что мистер Бэггинс был вовсе не так уж прозаичен, как ему хотелось, а также, что он был большим любителем цветов.

– Бог мой! – продолжал он. – Неужели вы тот самый Гэндальф, по чьей милости столько тихих юношей и девушек пропали невесть куда, отправившись на поиски приключений? Любых – от лазанья по деревьям до визитов к эльфам. Они даже уплывали на кораблях к чужим берегам! Бог ты мой, до чего тогда было инте... я хочу сказать, умели вы тогда перевернуть все вверх дном в наших краях! Прошу прощения, я никак не думал, что вы еще... трудитесь.

– А что же мне делать? – спросил волшебник. – Ну вот, все-таки приятно, что вы кое-что обо мне помните. Во всяком случае, вспоминаете мои фейерверки. Значит, вы не совсем безнадежны. Поэтому ради вашего дедушки и ради бедной Бэлладонны я дарю вам то, что вы у меня просили.

– Прошу прощения, я ничего у вас не просил!

– Нет, просили. И вот сейчас уже второй раз – моего прощения. Я его даю. И пойду еще дальше: я пошлю вас участвовать в моем приключении. Меня это развлечет, а вам будет полезно, а возможно, и выгодно, если доберетесь до конца.

– Извините! Мне что-то не хочется, спасибо, как-нибудь в другой раз. Всего хорошего! Пожалуйста, заходите ко мне на чашку чая в любой день! Скажем, завтра? Приходите завтра! До свиданья!

И с этими словами хоббит повернулся, юркнул в круглую зеленую дверку и поскорее захлопнул ее за собой, стараясь в то же время хлопнуть не слишком громко, чтобы не вышло грубо, – все-таки волшебник есть волшебник.

– Чего ради я пригласил его на чай? – спросил он себя, направляясь в кладовку. Бильбо, правда, совсем недавно позавтракал, но после такого волнующего разговора не мешало подкрепиться парочкой кексов и глоточком чего-нибудь этакого.

А Гэндальф долго еще стоял за дверью и тихонько покатывался со смеху. Потом подошел поближе и острием посоха нацарапал на красивой зеленой двери некий странный знак. Затем он зашагал прочь, а в это время Бильбо как раз доедал второй кекс и размышлял о том, как ловко он увернулся от приключений.

На другой день он в общем-то забыл про Гэндальфа. У него была неважная память, и ему приходилось делать заметки в особой гостевой книжечке, например: «Гэндальф, чай, среда». Но накануне он так разволновался, что ничего не записал.

Как раз когда он собирался пить чай, кто-то с силой дернул дверной колокольчик, и тут Бильбо все вспомнил! Он сначала бросился в кухню поставил на огонь чайник, достал еще одну чашку с блюдечком, положил на блюдо еще пару кексов и тогда уж побежал к двери.

¹ В английском фольклоре – существа, похожие на людей, но безобразные, злобные, живут в пещерах, подземных туннелях.

² Как и в старой России, праздник середины лета, 24 июня.

Только он хотел сказать: «Извините, что заставил вас ждать!», как вдруг увидел, что перед ним вовсе не Гэндальф, а какой-то гном с синей бородой, заткнутой за золотой кушак; блестящие глаза его так и сверкали из-под темно-зеленого капюшона. Едва дверь открылась, он шмыгнул внутрь, как будто его только и ждали. Потом повесил плащ с капюшоном на ближайший крючок и с низким поклоном произнес:

– Двалин, к вашим услугам.

– Бильбо Бэггинс – к вашим! – ответил хоббит, который от удивления даже не нашелся что спросить. Когда молчать дольше стало уже неловко, он добавил: – Я как раз собирался пить чай, не присоединитесь ли вы ко мне?

Прозвучало это, быть может, несколько натянуто, но он старался проявить радушие. А как бы поступили вы, если бы незнакомый гном явился к вам домой и безо всяких объяснений повесил у вас в прихожей плащ, будто так и надо?

За столом они просидели недолго. Собственно, они только успели добраться до третьего кекса, как снова раздался звонок в дверь, еще более громкий, чем раньше.

– Извините! – сказал хоббит и побежал открывать.

«Вот наконец и вы!» – так собирался он встретить Гэндальфа на сей раз. Но это опять оказался не Гэндальф. За дверью стоял старый-престарый гном с белой бородой и в красном капюшоне. Он тоже прошмыгнул внутрь, едва открылась дверь, как будто его кто-то приглашал.

– Я вижу, наши собираются, – сказал он, заметив на вешалке зеленый капюшон Двалина. Он повесил рядышком свой красный капюшон и, прижав руку к груди, сказал:

– Балин, к вашим услугам.

– Благодарю вас! – ответил Бильбо в совершеннейшем изумлении.

Ответил он, конечно, невпопад, но уж очень его выбили из колеи слова «наши собираются». Гостей он любил, но он любил знакомых гостей и предпочитал приглашать их сам. У него мелькнула страшная мысль, что кексов может не хватить – и тогда ему самому (а он знал свой долг хозяина и собирался выполнить его, чего бы ему это ни стоило) придется обойтись без кексов.

– Заходите, выпейте чаю! – ухитрился он выдать наконец, набрав воздуха в легкие.

– Меня больше бы устроил стаканчик пивца, милостивый сэр, если это не слишком затруднит вас, – сказал белобородый Балин. – Но не откажусь и от кекса с изюмом, если он у вас найдется.

– Сколько угодно! – к собственному удивлению ответил Бильбо и, опять-таки к своему удивлению, побежал бегом в погреб, нацедил пинту³ пива, оттуда – в кладовую, прихватил там два превосходных круглых кекса с изюмом, которые испек для себя «на после ужина», и примчался назад.

В столовой Балин и Двалин сидели за столом и беседовали, как старые друзья (они на самом деле были братья). Бильбо только успел поставить на стол кувшин с пивом и кексы, как тут же прогремел колокольчик – раз и еще раз!

«Ну уж теперь наверняка Гэндальф», – подумал Бильбо, с пыхтением спеша по коридору. Как бы не так! Явились еще два гнома, оба в синих капюшонах, серебряных кушаках и с желтыми бородами. Оба несли по мешку с рабочими инструментами и по лопате. Они тоже проворно шмыгнули в приотворенную дверь – и Бильбо больше не удивлялся.

– Чем могу служить, любезнейшие гномы? – спросил он.

– Кили, к вашим услугам! – сказал один.

– И Фили тоже! – добавил другой.

И оба они сорвали с головы свои синие капюшоны и низко поклонились.

³ Английская мера емкости; равна 0,57 литра.

– К вашим услугам и к услугам ваших родственников! – ответил Бильбо, вспомнив на этот раз о хороших манерах.

– Я вижу, Двалин и Балин уже тут, – сказал Кили. – Присоединимся к честной компании!

«Компания! – подумал мистер Бильбо. – Что-то не нравится мне это слово. Присяду-ка я на минутку, соберусь с мыслями и глотну чайку».

Едва он успел примоститься в уголке и отпить один глоток – а четверо гномов между тем расселись вокруг стола и вели разговор про рудники и золото, про злобных гоблинов и про безобразия драконов и много еще про что, чего он не понял, да и не хотел понимать, так как все это отдавало приключениями, – как вдруг – дзинь-дзинь-дзинь-дзинь! – колокольчик зазвонил снова, да так громко, будто какой-то шалун-хоббитенок пытался оторвать его.

– Еще кто-то! – сказал Бильбо, моргая.

– Еще много кто, судя по звонку, – заметил Фили. – Да мы их видели – за нами следом шли четверо.

Бедняга хоббит рухнул на стул в прихожей, обхватил голову руками и принялся размышлять: что произошло, что еще произойдет и неужели они все останутся ужинать?! Тут звонок дернули пуще прежнего, и Бильбо бросился к дверям. Едва он повернул ручку, как – нате вам! – гости уже в прихожей, кланяются и повторяют по очереди «к вашим услугам». Гномов было уже не четверо, а пятеро. Пока Бильбо предавался размышлениям, подоспел еще один. Звали их Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн. И вскоре два фиолетовых, серый, коричневый и белый капюшоны висели на крючочках, а гномы прошествовали в столовую, засунув свои широкие ладошки за серебряные и золотые кушаки. В столовой теперь и впрямь набралась целая компания. Одни требовали эля, другие – портера, кто-то – кофе, и все без исключения – кексов, так что хоббит совсем сбился с ног.

Только на огонь был поставлен большой кофейник, только гномы, покончив с кексами, перешли на ячменные лепешки с маслом, как вдруг раздался... не звонок, а громкий стук. Целый град ударов обрушился на красивую зеленую дверь Бильбо Бэггинса. Кто-то молотил по ней палкой!

Бильбо опрометью бросился по коридору, очень сердитый и совершенно задерганный и заторможенный, – такого несуразного чаепития в его жизни еще не бывало! Он рванул дверь на себя – и все стоявшие за ней попадали вперед друг на друга. Еще гномы, целых четверо! А позади них, опершись на посох, стоял Гэндальф и хохотал. Он измолотил прекрасную дверь самым безжалостным образом, но при этом исчезла и тайная метка, которую он начертил накануне утром.

– Спокойнее, спокойнее! – сказал он. – Как это не похоже на вас, Бильбо, – заставлять друзей ждать у порога, а потом взять да как распахнуть дверь – трах-тарарах! Позвольте мне представить: Бифур, Бофур, Бомбур и, обратите особое внимание, Торин!

– К вашим услугам! – сказали Бифур, Бофур, Бомбур, став рядом. Потом они повесили два желтых капюшона, один бледно-зеленый и один небесно-голубой с длинной серебряной кистью, который принадлежал Торину. Торин был невероятно важный гном, не кто иной, как сам знаменитый Торин Оукеншильд, и он был ужасно недоволен тем, что ему пришлось растянуться на пороге, да еще Бифур, Бофур и Бомбур навалились сверху, а Бомбур, надо сказать, был невероятно толстый и тяжелый. Поэтому Торин держался сперва очень высокомерно и никаких услуг не предлагал, но бедный мистер Бэггинс так рассыпался в извинениях, что Торин наконец пробормотал: «Не будем об этом говорить», – и перестал хмуриться.

– Ну вот мы и в сборе, – сказал Гэндальф, окинув взглядом висевшие на стенке тринадцать капюшонов – лучших отстежных капюшонов для хождения в гости – и свою собственную шляпу. – Превеселое общество! Надеюсь, опоздавшим тоже найдется что-нибудь поесть и выпить? Что у вас? Чай? Благодарю покорно! Мне, пожалуй, красного винца.

– Мне тоже, – сказал Торин.

– Хорошо бы еще крыжовенного варенья и яблочного пирога, – вставил Бифур.
– И пирожков с мясом, и сыра, – дополнил Бофур.
– И пирога со свиной, и салата, – добавил Бомбур.
– И побольше кексов, и эля, и кофе, если не трудно! – закричали остальные гномы из столовой.

– Да подкиньте несколько яиц, будьте так добры! – крикнул Гэндальф вдогонку хоббиту, когда тот поплелся в кладовку. – И захватите холодную курицу и маринованных огурчиков!

«Можно подумать, что он не хуже моего знает, какие у меня припасы в доме!» – пробормотал мистер Бэггинс, который решительно потерял голову и начал опасаться, не свалилось ли на него неожиданно-негаданно самое что ни на есть скверное приключение. К тому времени, как он собрал все бутылки и кушанья, все ножи, вилки, стаканы, тарелки и ложки и нагромоздил все это на большие подносы, он совсем упарился, побагровел и разозлился.

– Чтoб им объесться и обпиться, этим гномам! – сказал он вслух. – Нет чтoбы помочь!

И гляди-ка! Балин и Двалин тут как тут, стоят в дверях кухни, а за ними Фили и Кили, и не успел Бильбо слова вымолвить, как они подхватили подносы и два небольших столика, вихрем унесли их в столовую и заново накрыли на всю компанию.

Гэндальф сел во главе стола, остальные тринадцать гномов разместились вокруг, а Бильбо, присев на скамеечку у камина, грыз сухарик (аппетит у него совсем улетучился) и пытался делать вид, будто ничего особенного не происходит и с приключениями все это ничего общего не имеет. Гномы все ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отодвинулись от стола, и Бильбо сделал движение вперед, порываясь убрать тарелки и стаканы.

– Надеюсь, вы не уйдете до ужина? – спросил он вежливо самым своим ненастойчивым тоном.

– Ни в коем случае! – ответил Торин. – Мы и после ужина не уйдем. Разговор предстоит долгий. Но сперва мы еще помузицируем. За уборку!

И двенадцать гномов (Торин был слишком важной персоной, он остался разговаривать с Гэндальфом) живо вскочили со своих мест и мигом сложили одна на другую грязные тарелки, а на них все, что еще было на столе. Потом они двинулись в кухню, и каждый держал на вытянутой руке целую башню тарелок, увенчанную бутылкой, а бедняга хоббит бежал следом и буквально верещал от испуга:

– Пожалуйста, осторожней! Не беспокойтесь, пожалуйста, я сам!

Но гномы в ответ грянули песню:

Бейте тарелки, бейте розетки!
Вилки тупите, гните ножи!

Об пол бутылки! В печку салфетки!
Будет порядок – только скажи!

Рвите на части скатерти, гости!
Лейте на стулья жир от котлет!
Корки и кости под ноги бросьте!
Мажьте горчицей ценный паркет!

Чашки и рюмки – в чан с кипятком!
Ломом железным поворошите,
Выньте, откиньте и обсушите –
И на помойку все целиком!

Кто там без дела? Стыд и позор!
Эй, осторожно, хрупкий фарфор!

(перевод И. Комаровой)

Ничего подобного они, естественно, не натворили, а, наоборот, все вымыли и прибрали в мгновение ока, пока хоббит вертелся посреди кухни, стараясь за ними уследить. Потом все вернулись в столовую и увидели, что Торин сидит, положив ноги на решетку камина, и курит трубку. Он выпускал невиданной величины кольца и приказывал им, куда лететь: то в трубу, то на часы на каминной полочке, то под стол, то к потолку, где они начинали описывать круги. Но куда бы не летело кольцо Торина, Гэндальф оказывался проворнее. Пуф! – он посылал колечко поменьше из своей короткой глиняной трубки, и оно проскальзывало сквозь каждое кольцо Торина. После этого колечко Гэндальфа делалось зеленым, возвращалось к нему и парило у него над головой. Таких колечек набралось уже целое облако, и в полумраке комнаты вид у Гэндальфа был таинственный и по-настоящему колдовской. Бильбо стоял и любовался; он и сам любил пускать колечки и теперь краснел от стыда, вспоминая, как накануне утром гордился своими колечками, которые ветер уносил за Холм.

– А теперь перейдем к музыке! – сказал Торин. – Несите инструменты!

Кили и Фили побежали и принесли скрипочки; Дори, Нори и Ори достали откуда-то из-за пазухи флейты; Бомбур притащил из прихожей барабан; Бифур и Бофур тоже вышли и вернулись с кларнетами, которые они, раздеваясь, оставили среди тростей; Двалин и Балин одновременно сказали: «Извините, но я забыл мой инструмент на крыльце!»

– Захватите и мой! – сказал Торин.

Они приволокли две виолы ростом с себя и арфу Торина, закутанную в зеленую материю: арфа была золотая и красивая; и когда Торин ударил по струнам, все заиграли тоже, полилась такая неожиданная, такая сладостная, мелодичная музыка, что Бильбо позабыл обо всем и унесся душой в неведомые края, туда, где в небе стояла чужая луна – далеко По Ту Сторону Реки и совсем далеко от хоббичьей норки Под Холмом. Через окошечко в склоне Холма в комнату проникла темнота, огонь в камине (стоял еще апрель) начал гаснуть, а они все играли и играли, и тень от бороды Гэндальфа качалась на стене.

Тьма заполнила комнату, камин потух, и тени пропали, а гномы продолжали играть. И вдруг, сперва один, потом другой, глухо запели таинственную песню гномов, что пелась в таинственной глуши их древних жилищ. Вот отрывок из их песни, если только слова без музыки могут быть похожи на песню:

За синие горы, за белый туман
В пещеры и норы уйдет караван;

За быстрые воды уйдем до восхода
За кладом старинным из сказочных стран.

Волшебники-гномы! В минувшие дни
Искусно металлы ковали они;
Сапфиры, алмазы, рубины, топазы
Хранили они и гранили они.

На эльфа-соседа, царя, богача
Трудились они, молотками стуча;
И солнечным бликом в усердье великом
Украсить могли рукоятку меча.

На звонкие цепи, не толще струны,
Нанизывать звезды могли с вышины;
В свои ожерелья в порыве веселья
Вплетали лучи бледноликой луны.

И пили они что твои короли
И звонкие арфы себе завели;
Протяжно и ново для уха людского
Звучало их пенье в глубинах земли.

Шумели деревья на склоне крутом,
И ветры стонали во мраке ночном;
Багровое пламя взвилось над горами –
И вспыхнули сосны смолистым огнем.

Тогда колокольный слышался звон,
Разверзлась земля, почернел небосклон.
Где было жилище – теперь пепелище:
Не ведал пощады свирепый дракон.

И гномы, боясь наказания с небес,
Уже не надеясь на силу чудес,
Укрылись в богатых подземных палатах –
И след их сокровищ навеки исчез.

За синие горы, где мрак и снега,
Куда не ступала людская нога,
За быстрые воды уйдем до восхода,
Чтоб золото наше отнять у врага.

(перевод И. Комаровой)

И, слушая их пение, хоббит почувствовал, как в нем рождается любовь к прекрасным вещам, сотворенным посредством магии или искусными умелыми руками, – любовь яростная и ревнивая, влечение, живущее в сердцах всех гномов. И в нем проснулось что-то туковское, ему захотелось видеть громадные горы, слышать шум сосен и водопадов, разведывать пещеры, носить меч вместо трости.

Он выглянул в окно. На черном небе поверх деревьев высыпали звезды. Он подумал о драгоценностях гномов, сверкающих в темных пещерах. Внезапно за лесом За Рекой взметнулось пламя (наверное, кто-то разжег костер), и Бильбо представилось, как мародеры-драконы водворяются на его мирном Холме и сжигают все вокруг. Он вздрогнул и сразу сделался опять обыкновенным мистером Бэггинсом из Бэг-Энда, что Под Холмом.

Он встал, дрожа всем телом. Он колебался: то ли просто принести лампу, то ли сделать вид, будто он идет за ней, а самому спрятаться в погребке между пивными бочками и не вылезать, пока гномы не уйдут. Но тут он вдруг заметил, что музыка и пение прекратились, все гномы уставились на него и глаза их светятся во мраке.

– Куда это вы? – окликнул его Торин тоном, в котором ясно чувствовалось, что он догадывается о намерениях Бильбо.

– Нельзя ли принести лампу? – робко спросил Бильбо.

– Нам нравится в темноте, – хором ответили гномы. – Темные дела совершаются во тьме! До рассвета еще далеко.

– Да, да, конечно! – сказал Бильбо и сел, но впопыхах сел мимо скамейки, прямо на каминную решетку, с грохотом повалил кочергу и совок.

– Ш-ш! – сказал Гэндальф. – Сейчас будет говорить Торин.

И Торин начал так:

– Гэндальф, гномы и мистер Бэггинс! Мы сошлись в доме нашего друга и собрата по заговору, превосходного, дерзновенного хоббита – да не выпадет никогда шерсть на его ногах! – воздадим должное его вину и элю!

Он перевел дух, давая хоббиту возможность сказать, как полагается, вежливые слова, но бедный Бильбо Бэггинс воспринял сказанное совсем не как похвалу: он шевелил губами, пытаясь опровергнуть слова «дерзновенный» и, что еще хуже, «собрат по заговору», но так волновался, что не мог произнести вслух ни звука. Поэтому Торин продолжал:

– Мы сошлись здесь, дабы обсудить наши планы, наши способы и средства, наши умыслы и уловки. Очень скоро, еще до рассвета, мы тронемся в долгий путь, в путешествие, из которого некоторые из нас, а возможно, даже все, кроме, разумеется, нашего друга и советчика, хитроумного чародея Гэндальфа, могут не вернуться назад. Настал торжественный миг. Наша цель, как я полагаю, известна всем нам. Но уважаемому мистеру Бэггинсу, а может быть, и кому-нибудь из младших гномов (я думаю, что не ошибусь, если назову Кили и Фили) ситуация в настоящий момент может представляться требующей некоторых разъяснений.

Таков был стиль Торина. Он ведь был важной персоной. Если его не остановить, он продолжал бы в том же духе без конца, пока бы совсем не запыхался, но так бы и не сообщил обществу ничего нового. Однако его самым грубым образом прервали. Бедняга Бильбо при словах «могут не вернуться назад» почувствовал, что к горлу у него подкатывается крик, и крик этот наконец вырвался наружу, пронзительный, точно свисток паровоза, вылетевшего из туннеля. Все гномы повскакивали с мест, опрокинув стол. На конце своего волшебного посоха Гэндальф зажег голубой огонь, и в его мерцающем свете все увидели, что несчастный хоббит стоит на коленях на коврике перед камином и трясется, как желе. Вдруг он плашмя хлопнулся на пол с отчаянным воплем: «Молния убила! Молния убила!» – и долгое время от него не могли добиться ничего другого. Гномы подняли его и перенесли в соседнюю гостиную, с глаз долой, положили там на диван, поставили рядом стакан вина, а сами вернулись к своим «темным делам».

– Легко возбудимый субъект, – сказал Гэндальф, когда все заняли свои места. – Подвержен необъяснимым приступам, но один из лучших – свиреп, как дракон, которому прищемили хвост дверью.

Если вам когда-нибудь доводилось видеть дракона, которому прищемили хвост дверью, то вы поймете, что это чисто поэтическое преувеличение в применении к любому хоббиту,

даже к двоюродному прадеду Старого Тука по имени Бычий Рев, который был такого гигантского (для хоббита) роста, что мог ездить верхом на лошади. Это он когда-то как ураган налетел на армию гоблинов из Маунт-Грэма в битве на Зеленых Полях и сшиб своей деревянной палицей голову с плеч их короля Гольфимбуля. Голова пролетела сто метров по воздуху и угодила прямо в кроличью нору; таким образом была выиграна битва и одновременно изобретена игра в гольф.

Тем временем изнеженный потомок Бычьего Рева приходил в себя на диване в гостиной. Отлежавшись и глотнув вина, он с опаской подкрался к двери в столовую. Говорил Глойн, и вот что Бильбо услышал:

– Пф! (Или другой какой-то пренебрежительный звук вроде этого.) Думаете, он подойдет? Легко Гэндальфу расписывать, какой он свирепый, а ну как возбудится и заорет не вовремя – тогда дракон и все его родственники проснутся, и мы погибли! Сдается мне, его крик вызван страхом, а вовсе не возбуждением! Право, не будь на дверях волшебного знака, я бы решил, что мы попали не туда. Едва я увидел, как этот пузан подпрыгивает и пыхтит в дверях, я сразу заподозрил неладное. Он больше смахивает на бакалейщика, чем на взломщика!

Тут мистер Бэггинс нажал на ручку и вошел. Туковская порода в нем взяла верх. Он почувствовал, что он обойдется без настоящей постели и без завтрака, только бы его считали свирепым. Кстати, он и вправду рассвирепел, услышав слова «как этот пузан подпрыгивает...». Много раз впоследствии бэггинсовская сторона его существа раскаивалась в безрассудном поступке, и он говорил себе: «Бильбо, ты глупец, ты сам, по доброй воле, встрял в это дело».

– Прошу прощения, – проговорил он, – я нечаянно услышал ваши слова. Не буду делать вид, будто понимаю, о чем идет речь; особенно мне непонятно замечание о взломщиках. Но думаю, что я правильно усвоил одно (все это он называл «держать себя с достоинством»): вы считаете меня никуда не годным. Хорошо, я вам докажу, на что я способен. Никаких волшебных знаков у меня на дверях нет, ее красили всего неделю назад, и вы, разумеется, ошиблись адресом. Как только я увидел ваши несимпатичные физиономии, я сразу заподозрил, что вы попали не туда. Но считайте, что вы попали туда. Скажите, что надо делать, и я постараюсь это выполнить, хотя бы мне пришлось сражаться с кошмарными хобборотнями в Самой Крайней Пустыне. У меня был двоюродный прапрапрадедушка Тук Бычий Рев, так он...

– Верно, верно, только это было давно, – прервал его Глойн. – А я говорил про вас. И уверяю вас, на ваших дверях есть знак, как раз тот знак, который используют – или использовали в прошлом – представители вашей профессии. И означает он вот что: «Опытный взломщик возьмется за хорошую работу, предпочтительно рискованную, оплата по соглашению». Можете называть себя «кладоискатель высшей категории», если вам не по вкусу «взломщик». Некоторые именуют себя так. Нам-то все равно. Гэндальф сообщил нам, что один местный специалист срочно ищет работу и что собрание назначается здесь, в среду, на пять часов.

– Как же не быть знаку, – вмешался Гэндальф. – Я сам его поставил на дверях. И по весьма веским причинам. Вы меня просили подыскать для экспедиции четырнадцатого, я и выбрал мистера Бэггинса. Пусть кто-нибудь попробует сказать, что я ошибся, выбрал не того и попал не туда, и можете отправляться втринадцатером и получать сполна все, что причитается за это число. А не хотите – ступайте домой, копайте уголь!

Он так сердито воззрился на Глойна, что гном вжался в спинку стула, а когда Бильбо открыл было рот, чтобы задать вопрос, Гэндальф повернулся и кинул на него такой грозный взгляд из-под лохматых бровей, что Бильбо со стуком захлопнул рот.

– Вот так, – произнес Гэндальф. – И чтобы больше никаких споров. Я выбрал мистера Бэггинса, и будьте довольны. Если я сказал, что он Взломщик, – значит, он взломщик или будет взломщиком, когда понадобится. Он далеко не так прост, как вы думаете, и совсем не так прост, как думает он сам. Настанет время, когда вы все (если доживете) будете благодарить

меня за него. А теперь, Бильбо, мой мальчик, носи-ка лампу и прольем немного света вот на эту вещь.

На столе, под большой лампой с красным абажуром, он расстелил обрывок пергамента, похожий на карту.

– Это дело рук Трора, вашего деда, Торин, – сказал он в ответ на взволнованные возгласы гномов. – Это план Горы.

– Не вижу, чем это нам поможет, – разочарованно сказал Торин, быстро оглядев план. – Я и без того прекрасно помню Гору и ее окрестности. Я знаю, где Кромешный Лес и где Иссохшая Пустошь, – там водились драконы.

– Тут на карте и нарисован Дракон, – сказал Балин, – но коль скоро мы доберемся до Горы, мы и без карты его найдем.

– Есть еще одна подробность, которой вы не заметили, – возразил волшебник, – потайной ход. Видите вот ту руну на западной стороне и руку с вытянутым указательным пальцем над другими рунами, слева? В этом месте есть потайной ход в Нижний Ярус.

– Когда-то он, возможно, и был потайным, – возразил Торин, – но где уверенность, что он остался потайным до сих пор? Старый Смог живет там так давно, что у него было время разобраться во всех ходах и выходах.

– Может, и так, но он им все равно не пользуется.

– Почему?

– Потому что ход слишком узок для него. «Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», – гласят руны. В такую нору Смог не мог бы протиснуться даже в молодые годы, а тем более теперь, когда он пожрал столько гномов и людей из Дейла.

– А по-моему, нора очень широкая, – подал голос Бильбо (который никогда не сталкивался с драконами, а что касается нор, был знаком только с хоббичьими). Он опять разгорячился и увлекся происходящим, и забыл, что лучше помалкивать. Он обожал всякие карты, у него у самого в прихожей висела большая карта Окрестностей, где его любимые дорожки для прогулок были помечены красными чернилами. – Не пойму, как такую огромную дверь можно утаить от кого бы то ни было, даже если Дракон проглядел ее? – спросил он. (Не забывайте, он был всего лишь маленький хоббит.)

– Самыми разными способами, – ответил Гэндальф. – Но как утаили именно эту дверь, мы не узнаем, пока не увидим ее своими глазами. Насколько я могу понять из надписей на карте, дверь надежно заперта и сливается с Горой. Обычный прием гномов, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – подтвердил Торин.

– Кроме того, – продолжал Гэндальф, – я забыл упомянуть, что к карте приложен ключик необычной формы. Вот он! – И Гэндальф протянул Торину серебряный ключ с длинным стержнем и с затейливой бородкой. – Берегите его!

– Еще бы не беречь! – сказал Торин и нацепил ключик на золотую цепочку, которая висела у него на шее и уходила под куртку. – Теперь наше положение перестает быть таким безнадежным. До сих пор нам было не ясно, с чего начинать. Мы думали держать путь на Восток, соблюдая осторожность и осмотрительность, и дойти до самого Долгого Озера. Тогда-то и начались бы неприятности...

– Не тогда, а намного раньше; уж я-то знаю, что такое путь на Восток, – прервал Гэндальф.

– Оттуда мы могли бы двинуться вверх по Реке Быстротечной, – продолжал Торин, пропустив слова Гэндальфа мимо ушей, – и достичь развалин Дейла – старинного города в долине реки под сенью Горы. Правда, никому из нас не по душе идти через Главные Ворота. Там река течет прямо под ними, по туннелю, сквозь большой утес у Южной Оконечности Горы, и из этих же ворот обыкновенно вылетает дракон, на мой взгляд, слишком часто, если только он не переменил своих привычек.

– Да, там не пройти, – сказал волшебник, – если не заручиться поддержкой какого-нибудь знаменитого Воина, а то и Сказочного Богатыря. Я пытался кого-нибудь подыскать, но воинам нынче не до того – они сражаются друг с другом в чужих краях, а сказочных богатырей в здешних местах раз, два – и обчелся, если они вообще не перевелись. Мечи затупились, боевыми топорами валят деревья, щиты употребляют вместо люлек и крышек для кастрюль, а драконы, по счастью, за тридевять земель, и для здешних жителей они фигуры почти что легендарные. Потому-то я и решил прибегнуть к взлому, особенно когда вспомнил про Боковой Вход. И вот тут-то входит в игру наш милый Бильбо Бэггинс, самой судьбой избранный Взломщик. Так что давайте обсуждать дело дальше и выработаем план действий.

– Превосходно, – сказал Торин. – Может быть, наш многоопытный взломщик выскажет какие-нибудь ценные мысли или предложения? – И он с преувеличенной вежливостью поклонился Бильбо.

– Прежде всего я хотел бы услышать побольше о самом деле, – сказал хоббит (в голове у него все перемешалось, в животе похолодело, но он, как истинный потомок Туков, решил не отступать). – То есть про золото, и про дракона, и про все прочее, и как золото туда попало, и чье оно, и так далее.

– Господи помилуй! – сказал Торин. – Разве вы не видели карты? Не слышали нашей песни? И разве не об этом мы толкуем уже много часов подряд?

– И все-таки я хочу услышать все подробно и по порядку, – упрямо сказал Бильбо, напуская на себя деловой вид (обычно предназначавшийся для тех, кто пытался занять у него денег) и изо всех сил стараясь казаться умным, осмотрительным, солидным специалистом, чтобы оправдать рекомендацию, полученную от Гэндальфа. – Я также хотел бы подробнее услышать о степени риска, о непредвиденных расходах, о том, сколько времени отводится на все это предприятие, о вознаграждении и прочая, и прочая. – Под этим подразумевалось: «Что перепадет мне? И вернусь ли я живым?»

– Ну хорошо, так и быть, – сказал Торин. – Много лет тому назад, во времена моего деда Трора, нашу семью вытеснили с Дальнего Севера, и ей пришлось перебраться со всеми своими богатствами и орудиями труда назад, к этой самой Горе, что на карте. Гору эту некогда открыл мой давний предок Трейн Старший, но теперь гномы из нашего рода принялись за нее всерьез: изрыли ее вдоль и поперек, расширили жилища и мастерские, и при этом, как я понимаю, нашли довольно много золота и массу драгоценных камней. Как бы там ни было, они баснословно разбогатели и прославились, и дед мой стал королем Под Горой, и его очень чтили люди, которые поначалу жили на Юге, но постепенно расселились вверх по Реке Быстротечной до самой долины под сенью Горы. Тогда-то они и построили веселый город Дейл. Их правители всегда посылали за нашими кузнецами и богато вознаграждали даже наименее искусных. Отцы отдавали нам своих сыновей в обучение и щедро платили, особенно съестными припасами, так что мы не давали себе труда пахать, сеять и вообще добывать пропитание. То были счастливые дни, и даже у самых небогатых из нас водились свободные денежки и досуг для того, чтобы изготавливать красивые вещи просто так, для собственного удовольствия. Я уж не говорю о диковиннейших волшебных игрушках, каких в нынешнее время не увидишь нигде на свете! Чертоги моего деда буквально ломились от всевозможного оружия и драгоценных камней, резных изделий и кубков, а ярмарка игрушек в Дейле считалась чудом Севера.

Все это, несомненно, и привлекло внимание дракона. Драконы, как известно, воруют золото и драгоценности у людей, у эльфов, у гномов – где и когда только могут – и стерегут свою добычу до конца жизни (а живут драконы фактически вечно, если только их не убьют), но никогда не попользуются даже самым дешевым колечком. Сами они сделать неспособны ровно ничего, даже не могут укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне. В те времена на Севере расплодилось множество драконов, а золота, как видно, становилось все меньше, потому что гномы кто бежал на Юг, кто погиб, и картина всеобщего разорения

и опустошения приобретала все более угрожающие размеры. Так вот, был там один особенно жадный, сильный и отвратительный змей по имени Смог. Однажды с Севера до нас донесся гул, похожий на гул урагана, и все сосны на Горе застонали и заскрипели под ветром. Те гномы, кто находился под открытым небом, а не внутри Горы (на счастье, я был в их числе), издали увидели, как дракон, весь в пламени, приземлился на нашей Горе. Потом он двинулся вниз, дополз до леса и поджег его. К этому времени в Дейле звонили во все колокола и воины спешно вооружались. Гномы бросились к Главным Воротам, но там их поджидал дракон. Никто из них не спасся. Река закипела от жара, туман окутал Дейл, и в этом тумане дракон напал на воинов и почти всех истребил – обычная печальная история, в те годы, увы, нередкая. Потом дракон вернулся назад, к Горе, прополз через Главные Ворота и очистил от жителей все улицы и переулки, подвалы, особняки и галереи. И когда на Горе не осталось в живых ни одного гнома, Смог забрал все сокровища себе. Наверное, он, как водится у драконов, свалил все в кучу где-нибудь в самой дальней пещере и с тех пор спит на захваченном золоте. По ночам он выползал через Главные Ворота, похищал жителей Дейла и съедал их, так что Дейл постепенно пришел в упадок, а население частью погибло, а частью разбежалось. Не знаю доподлинно, что там творится сейчас, едва ли кто-нибудь осмеливается жить близко к Горе, разве что у Долгого Озера.

Мы, малочисленная горстка гномов, спасшихся в тот день, сидели в своем убежище и оплакивали судьбу, проклиная Смога. Вдруг вошли мой отец и дед с опаленными бородами. Они были очень мрачны и неразговорчивы. Когда я спросил, как им удалось уцелеть, они велели мне помолчать и сказали, что в свое время я все узнаю. Потом мы покинули эти края и, скитаясь с места на место, зарабатывали себе на жизнь, как могли: нам случалось даже браться за кузнечное ремесло или трудиться в угольных шахтах. Но об украденных у нас сокровищах мы помнили все время. И даже сейчас, когда, признаюсь, мы отложили кое-что про черный день и уже не терпим нужды (тут Торин погладил золотую цепь, висевшую у него на шее), мы все еще полны решимости вернуть их обратно и отомстить Смогу, если удастся.

Я часто ломал голову над тем, как спаслись отец и дед. Теперь я понимаю, что у них был в запасе Боковой Вход, о котором никто, кроме них, не знал. Очевидно, они и составили карту, и мне бы хотелось знать: каким образом ее захватил Гэндальф и почему она не попала ко мне – законному наследнику?

– Я ее не захватывал, мне ее дали, – ответил волшебник. – Ваш дед Трор, как вы помните, был убит в рудниках Морайи царем гоблинов Азогом.

– Будь проклято его имя! – отозвался Торин.

– А Трейн, ваш отец, двадцать первого апреля – в прошлый четверг минуло как раз сто лет с того дня – ушел неизвестно куда, и с тех пор вы его не видели...

– Все это верно, – подтвердил Торин.

– Так вот, ваш отец перед уходом отдал мне карту и просил передать ее вам: а что касается времени и места, которые я выбрал, чтобы вручить ее, то моей вины тут нет, ведь чего мне стоило вас разыскать! Когда ваш отец отдавал мне карту, он и свое-то имя позабыл, не то что ваше, так что скажите мне спасибо! Получайте! – И он протянул бумагу Торину.

– Все равно не понимаю, – сказал Торин, и Бильбо захотелось повторить то же самое. Объяснение и ему показалось не вполне ясным.

– Ваш дед, – медленно и сумрачно проговорил волшебник, – собираясь на рудники Морайи, отдал карту на хранение сыну. После гибели вашего деда отец ваш отправился попытать счастья с картой; он пережил множество всяких злоключений, но так и не добрался до Горы. Я познакомился с ним в темницах черного мага Некроманта; как он попал туда – не знаю.

– Вы-то что там делали? – спросил Торин, содрогнувшись, и все гномы тоже вздрогнули.

– Не важно. Интересовался кое-чем, как всегда, и, надо сказать, там мне пришлось довольно туго. Даже я, Гэндальф, еле-еле уцелел. Я пытался спасти вашего отца, но было уже поздно: он повредился в уме, мысли его путались, он не помнил ни о чем, кроме карты и ключа.

– С гоблинами Морайи мы давно расквитались, – сказал Торин, – надо будет теперь заняться Некромантом.

– Вздор! Такого врага не одолеть всем гномам, вместе взятым, даже если бы их можно было еще собрать с четырех концов земли. Отец ваш хотел одного: чтобы его сын разобрался в карте и употребил ключ в дело. Так что дракон и Гора – этого вам за глаза хватит!

– Внимание! Внимание! – вырвалось у Бильбо.

– В чем дело? – спросили гномы и разом обернулись к нему, а он, не в силах совладать с собой, воскликнул:

– Послушайте, что я скажу!

– Что такое? – спросили гномы.

– Мне кажется, вам надо пойти на Восток и на месте выяснить, что и как. В конце концов, существует Боковой Вход, и драконы когда-нибудь да спят, и, если посидеть у входа подольше, что-нибудь непременно придет в голову. А потом, знаете, по-моему, на сегодня разговоров достаточно. Как там говорится насчет рано вставать, рано в кровать и так далее? Перед вашим уходом я накормлю вас хорошим завтраком.

– Перед нашим общим уходом, вы хотите сказать, – отозвался Торин. – Разве не вы Главный Взломщик? И не ваше разве дело сидеть у входа, не говоря уже о том, чтобы проникнуть внутрь? Но насчет кровати и завтрака я с вами согласен. Перед дорогой я обычно ем яичницу из шести яиц с ветчиной – конечно, не болтунью, а глазунью, да смотрите, чтоб глазки были целы!

После того как и остальные гномы объявили, что они желают на завтрак (никто из них не подумал сказать хотя бы «пожалуйста», что немало обидело Бильбо), все поднялись из-за стола. Хоббиту пришлось еще каждого устроить на ночь; он предоставил им все гостевые комнаты, постелил на креслах и диванах, наконец разместил всех и улегся в свою кроватку, очень усталый и не вполне успокоенный. Единственное, что он твердо решил, – ни в коем случае не вставать ни свет ни заря, чтобы накормить всех этих дармоедов. Туковские настроения в нем повыветрились, и он был далеко не уверен, что наутро отправится куда бы то ни было. Лежа в постели, он слышал, как в соседней с ним парадной спальне Торин напевает.

За синие горы, за белый туман
В пещеры и норы уйдет караван;
За быстрые воды уйдем до восхода
За кладом старинным из сказочных стран...

Бильбо заснул под эту песню и видел скверные сны. Когда он проснулся, уже давно рассвело.

2. Баранье жаркое

Бильбо живо вскочил, надел халат и вошел в столовую.

Ни души! Он застал там лишь следы обильного и поспешного завтрака. В комнате все было перевернуто вверх дном, в кухне громоздились груды грязной посуды, перепачканы были чуть не все кастрюли и горшки. Бильбо с грустью убедился в том, что вечерняя пирушка не просто дурной сон. Но зато он с облегчением увидел, что гости отправились в путь без него, не удосужившись его разбудить («Даже спасибо не сказали», – подумал он). В то же время Бильбо был немного разочарован и сам удивился своему разочарованию. «Не будь дураком, Бильбо Бэггинс, – уговаривал он себя, – в твои ли годы мечтать о драконах и всякой сказочной чепухе!»

И он надел фартук, разжег плиту, вскипятил воду и быстро перемыл всю посуду. Потом уютненько позавтракал на кухне и тогда только приступил к уборке столовой. Солнце уже сияло вовсю, входная дверь стояла распахнутой, в дом залетал теплый весенний ветерок. Бильбо начал громко насвистывать и совсем позабыл про вечер накануне. Только-только он собирался сесть и уютненько позавтракать во второй раз у раскрытого окна в столовой, как вдруг появился Гэндальф.

– Голубчик, – сказал он, – да когда же ты пожуешь? А еще говорил «рано вставать»! Скажите на милость – сидит завтракает, или как там у тебя это называется, а между тем половина одиннадцатого! Они не могли ждать и оставили тебе послание.

– Какое послание? – спросил бедный мистер Бэггинс в неописуемом волнении.

– Вот те раз! – воскликнул Гэндальф. – Я тебя не узнаю – ты даже не вытер пыль на каминной полке!

– При чем тут каминная полка? Хватит с меня мытья посуды на четырнадцать персон!

– Если бы ты вытер каминную полку, ты бы нашел под часами вот это! – и Гэндальф протянул Бильбо записку (написанную, естественно, на собственной, Бильбо, писчей бумаге).

Вот что Бильбо прочел:

«Торин и К° шлют Взломицу Бильбо свой привет! За гостеприимство – сердечная благодарность, предложение профессиональной помощи принимается с признательностью. Условия – оплата при вручении»

искомого размером до, но не превышая, четырнадцатой части общего дохода (буде таковой случится). Возмещение путевых издержек в любом случае гарантировано, похоронные издержки ложатся на К° или на ее представителей (если меры не приняты покойным заранее).

Не считая возможным нарушать ваш драгоценный отдых, мы отправляемся вперед, дабы сделать необходимые приготовления. Будем ожидать вашу почтенную особу в харчевне Зеленый Дракон, Байцотер, ровно в 11 утра.

Надеясь на Вашу пунктуальность, имеем честь пребывать глубоко преданные Торин и К°.»

– Остается ровно десять минут. Тебе придется бежать, – заметил Гэндальф.

– Но... – начал Бильбо.

– Никаких «но», – отрезал волшебник.

– Но ведь... – сделал еще одну попытку Бильбо.

– Никаких «но ведь»! Бегом!

Бильбо потом никак не мог вспомнить, каким образом очутился на улице – без шапки, без трости, без денег, без всех тех вещей, которые привык брать с собой, выходя из дому. Оставив второй завтрак недоеденным и посуду после себя невымытой, он сунул Гэндальфу ключи от дома и побежал со всех своих мохнатых ног по улочке мимо большой мельницы, через мост и еще с милю По Ту Сторону Реки.

Ну и запыхался же он, и упарился же, когда ровно в одиннадцать, с боем часов, достиг Байцотера. И на тебе! Оказалось, что носовой платок он тоже забыл дома!

– Браво! – сказал Балин, ждавший его в дверях харчевни.

Тут из-за поворота дороги, которая вела в деревню, показались остальные.

Они ехали верхом на пони, и каждый пони был навьючен всевозможной поклажей – тюками, мешками и прочими пожитками. Самый маленький пони, очевидно, предназначался Бильбо.

– Теперь залезайте оба – и в путь! – скомандовал Торин.

– Прошу прощения, – запротестовал Бильбо, – я не успел надеть шляпу, забыл носовой платок и не захватил денег. Вашу записку я получил только в десять сорок пять, чтобы быть точным.

– А вы не будьте таким точным, – посоветовал Двалин, – и не волнуйтесь! Придется вам до конца путешествия обходиться без носовых платков и еще много без чего. А вместо шляпы... у меня в багаже есть лишний капюшон и плащ.

Вот так в одно прекрасное утро в самом конце апреля они тронулись потихоньку в путь. Бильбо был облачен в темно-зеленый плащ и чуть-чуть полинялый темно-зеленый капюшон, которые ему одолжил Двалин. Одежда была ему велика, выглядел он довольно нелепо.

Боюсь и вообразить, что подумал бы при виде Бильбо его отец Банго. Бильбо утешался единственно тем, что его нельзя принять за гнома, так как у него нет бороды.

Не успели они отъехать от харчевни, как их догнал Гэндальф, совершенно великолепный на великолепном белом коне. Он привез Бильбо уйму носовых платков, любимую трубку и табак. Вся компания весело поехала дальше. По дороге путешественники целый день рассказывали разные истории и пели песни, замолкая лишь на то время, пока останавливались перекусить. И хотя это случалось далеко не так часто, как хотелось Бильбо, он все-таки понемногу стал входить во вкус такой жизни и подумывал, что приключения – это не так уж плохо.

Сперва они проезжали владения хоббитов – просторный добропорядочный край с отличными дорогами, населенный почтенным народом; время от времени им встречался какой-нибудь гном или фермер, спешившие по своим делам. Потом пошла местность, где жители говорили на незнакомом языке и пели песни, каких Бильбо раньше не слышивал. Наконец они

углубились в Пустынную Страну, где уже не попадалось ни жителей, ни трактиров, а дороги становились все хуже да хуже. Впереди замаячили сумрачные горы, одна другой выше, казавшиеся черными из-за густых лесов. На некоторых виднелись древние замки такого зловещего вида, как будто их построили нехорошие люди. Все кругом сделалось мрачным, погода вдруг испортилась, стало холодно и сыро. Ночевать им приходилось где попало.

– Подумать только – июнь на носу! – ворчал Бильбо; его пони хлюпал по грязнейшей проселочной дороге в хвосте процессии. Близился вечер, время чая прошло, весь день не переставая лил дождь, с капюшона текло в глаза, плащ промок насквозь, пони устал и спотыкался о камни. Путешественники были не в духе и молчали.

«Наверняка дождь промочил тюки с сухой одеждой и вода попала в мешки с едой, – с грустью думал Бильбо. – Как бы мне хотелось очутиться сейчас у себя дома, в моей славной норке, у очага, и чтобы чайник начинал петь!..»

Еще не раз потом ему пришлось мечтать об этом!

А гномы все трусили вперед да вперед, не оборачиваясь, словно совсем забыв про хоббита. За серыми тучами, должно быть, село солнце, и, когда они спустились в глубокую долину, по дну которой бежал поток, сделалось совсем темно. Поднялся ветер, ивы по берегам закачались и зашелестели. К счастью, старинный каменный мост был цел и им не пришлось переправляться вброд, а то река вздулась от дождей и с шумом бежала с гор и холмов.

Когда они наконец очутились на другом берегу, совсем стемнело. Ветер разогнал тучи, проглянула луна. Они спешили, и Торин пробормотал что-то насчет ужина и «где бы отыскать сухое местечко на ночь». И тут только заметили, что Гэндальфа нет. Он ехал с ними всю дорогу, так и не объясняя – участвует он в их походе или просто провожает до поры до времени. Он ел больше всех, болтал больше всех и хохотал громче всех. А теперь он просто-напросто исчез, и все тут!

– Как раз когда так пригодился бы волшебник! – простили Дори и Нори (они разделяли взгляд хоббита на то, что есть надо регулярно, часто и как можно больше).

В конце концов решили заночевать где есть и только передвинулись под деревья, так как там земля была суше. Но зато ветер стряхивал воду с листьев, и звук падающих капель – «кап, кап» – наводил уныние. К тому же что-то приключилось с костром, огонь словно заколдовали. Гномы обычно умеют разложить костер буквально где угодно и из чего угодно, независимо от того, есть ветер или нет. Но в этот вечер у них ничего не клеилось, даже у Ойна и Глойна, уж на что они были мастера по части костров.

Потом вдруг неведь чего испугался один из пони и ускакал. Его не успели перехватить, и он забежал в реку. Пытаясь вытащить его из воды, Фили и Кили чуть не утонули, а поклажу унесло течением. Там, как назло, была большая часть провизии, поэтому их ожидал скудный ужин и еще более скудный завтрак.

Так они сидели, хмурые, промокшие, и ворчали, а Ойн и Глойн продолжали возиться с костром и переругиваться. Бильбо с грустью размышлял о том, что приключения – это не увеселительная прогулка в сияющий майский день. И вдруг Балин, который выполнял роль дозорного, закричал:

– Смотрите, огонь!

Немного поодаль темнел холм, местами довольно густо поросший деревьями. В гуще деревьев и впрямь сверкал огонь, красноватый, уютный, словно свет костра или факелов.

Они поглядели-поглядели и принялись спорить. Одни стояли за то, чтобы пойти и просто посмотреть, что там такое, – хуже не будет. Другие убеждали: «Местность нам незнакома, и горы чересчур близко. Чем меньше проявлять любопытства в пути, тем меньше вероятности попасть в беду».

Кто-то сказал:

– Но нас как-никак четырнадцать.

А еще один проговорил:

– Куда запропастился Гэндальф?

И этот вопрос принялись повторять все наперебой. Тут дождь полил пуще прежнего, а Ойн и Глойн подрались. Это решило дело.

– В конце концов, с нами Взломщик, – сказали они и направились в сторону огонька, со всеми возможными предосторожностями, ведя своих пони под уздцы. Они добрались до холма и ступили в лес, потом начали подниматься вверх, но нигде не было видно тропы, которая бы вела к дому или ферме. Как они ни старались, все равно шороха, треска и скрипа (равно как воркотни и чертыханья), пока они продирались в полной темноте сквозь чащу, было хоть отбавляй.

Внезапно красный свет ярко блеснул между стволами совсем близко.

– Теперь очередь за Взломщиком, – сказали они, подразумевая Бильбо.

– Ступайте и проверьте, что это за свет и зачем он и все ли тихо и безопасно, – приказал Торин хоббиту. – Поторапливайтесь и, если все в порядке, побыстрее возвращайтесь. Если не в порядке, тоже попробуйте вернуться. Не сможете вернуться – дважды крикните сычом, а один раз ухните филином, и мы постараемся что-нибудь предпринять.

И Бильбо пришлось идти, так и не успев объяснить, что он и одного раза не сумеет ухнуть филином или крикнуть сычом. Зато хоббиты умеют совершенно бесшумно ступать в лесу. Они очень гордятся своим умением, и Бильбо не раз презрительно фыркал, слушая «тарарам», который, по его мнению, устроили гномы, пробираясь по лесу. Я-то лично думаю, что мы с вами не заметили бы ровнехонько ничего, даже если бы кавалькада прогарцевала в двух шагах от нас. Что же касается Бильбо, то, когда он крался к огоньку, наверное, даже осторожный хорек ничего бы не услышал. Бильбо благополучно, никого не вспугнув, добрался до огня, и вот что он увидел.

Трое громадных великанов сидели у огромного костра, сложенного из буковых бревен. Они поджаривали куски барана на длинных деревянных вертелах и слизывали с пальцев жир. В воздухе разносился дивный аппетитный аромат. Рядом стоял бочонок с чем-то вкусным, и великаны то и дело окунали туда кружки. Это были тролли! Тут не могло быть никаких сомнений. Даже Бильбо, несмотря на свою затворническую жизнь, сразу догадался, кто они, по их грубым неотесанным физиономиям, их великанским размерам, массивным каменным ногам, а главное – по их разговору, который был совсем, совсем непохож на великосветский!

– Вчера баранина, сегодня баранина – видно, и завтра, чтоб мне лопнуть, придется жрать эту чертову баранину, – проговорил один тролль.

– Хоть бы какой завалящий кусок человечины! – отозвался второй. – И с какой радости этот Вильям, тупая башка, приволок нас в здешние места? Выпивка тоже кончается, – добавил он, толкая Вильяма под локоть, как раз когда тот делал глоток из кружки.

Вильям поперхнулся.

– Заткнись! – заорал он, как только отдышался. – Ты что думаешь – людишки нарочно будут вам с Бертом подвертываться – нате, лопайте? С той поры, как мы спустились с гор, вы с Бертом полторы деревни умяли, не меньше. Где их еще взять? Нынче такие времена пришли, что скажите «спасибо, Билл» и за такого жирненького горного барана, как этот.

Он оторвал зубами большой кусок от бараньей ноги, которую жарил, и утер губы рукавом.

Да, боюсь, что тролли всегда ведут себя так некультурно, даже те, у которых по одной голове. Услыхав все это, Бильбо понял, что следует немедленно действовать. Либо надо тихонько вернуться назад и предупредить своих, что в нескольких шагах сидят три здоровенных тролля в прескверном настроении и явно не откажутся отведать жареных гномов или, для разнообразия, жареных пони. Либо он должен показать класс кражи со взломом. Настоящий Взломщик первой категории в подобных обстоятельствах очистил бы карманы троллей (дело почти всегда того стоит), стянул бы барана прямо с вертела, похитил бы пиво – и был таков. А

тролли при этом его бы и не заметили. Взломщики более практичные, лишенные профессионального тщеславия, пырнули бы предварительно троллей кинжалом. После чего весело скоротали бы ночь за сытным ужином.

Бильбо все это знал. Он немало прочитал о том, чего сам в своей жизни не видел и не делал. Он испытывал сильнейшее возбуждение, но и отвращение тоже. Ему хотелось быть в сотне миль отсюда и в то же время... в то же время он как-то не мог просто взять и вернуться

к Торину и К° с пустыми руками. Поэтому он стоял, скрытый мраком, и размышлял. Из всех известных ему многообразных деяний взломщиков обчистить карманы троллей казалось ему наименее трудным. Наконец он решился и заполз за дерево как раз позади Вильяма.

Берт и Том отошли к бочонку. Вильям снова опрокинул кружку. Набравшись духу, Бильбо сунул свою маленькую ручку к Вильяму в обширный карман. Кошелек был там и показался Бильбо большим, как мешок. «Ха, – подумал он, входя во вкус своего нового ремесла и аккуратно вытягивая кошелек. – Лиха беда – начало!»

Да, это было только начало! Кошельки у троллей всегда со зловредным секретом, и этот кошелек не был исключением.

– Эй, ты кто такой? – пропищал кошелек, очутившись снаружи, и Вильям схватил Бильбо за шиворот прежде, чем тот успел отскочить за дерево.

– Чтоб мне лопнуть, Берт, погляди, кого я сцапал! – сказал Вильям.

– Что за штука? – спросили Берт и Том, подходя к нему.

– Почему я знаю! Ты что за штука?

– Я – Бильбо Бэггинс, вз-з-хоббит, – ответил бедняга Бильбо, трясаясь всем телом и пытаясь сообразить, как ему прокричать по-совиному, пока его не придушили.

– Вззхоббит? – повторили тролли, насторожившись. Тролли соображают туго и поэтому с подозрением относятся ко всему незнакомому.

– А чего, собственно, вззхоббиту понадобилось в моем кармане? – заметил Вильям.

– А приготовить обед из него можно? – поинтересовался Том.

– Попробуй – узнаешь, – ответил Берт, берясь за вертел.

– Шкуру ободрать, так, поди, и мяса-то на один укус останется, – проговорил Вильям, который только что плотно поужинал.

– Может, поискать – тут еще такие найдутся? Пирог бы состряпали, – сказал Берт. – Эй, ты, много вас тут шныряет по лесу? Кролик ты несчастный, – добавил он, поглядев на мохнатые ножки хоббита. Он схватил Бильбо за ноги и сильно встряхнул его.

– Много, – пискнул Бильбо и тогда только спохватился, что нельзя выдавать друзей. – Нет, нет, никого, – быстро прибавил он.

– Это как понять? – спросил Берт, держа Бильбо в воздухе, но на этот раз за волосы.

– Так и понять, – ответил Бильбо, переведя дух. – Пожалуйста, любезные господа, не готовьте из меня ничего! Я сам хорошо готовлю, я лучше готовлю, чем готовлюсь, вы понимаете, что я хочу сказать? Я вам сготовлю превосходный завтрак, если вы меня не приготовите на ужин.

– Заморыш несчастный! – сказал Вильям. Он и так уже за ужином наелся и напился пивом. – Заморыш несчастный! Берт, отпусти ты его!

– Не отпущу, пока не объяснит, что значит «много» и «никого», – возразил Берт. – Не желаю, чтоб мне глотку во сне перерезали! Вот подпалю ему пятки над костром, живо заговорит!

– А я этого не допущу, – сказал Вильям. – Я его поймал.

– Вильям, говорил я тебе, что ты жирный дурак, – заорал Берт, – и еще повторю!

– А ты хам!

– Я тебе этого не спущу, Билл Хаггинс! – завопил Берт и двинул Вильяму кулаком в глаз.

Тут началась зверская потасовка. Берт выронил Бильбо, и у того хватило ума отползти в сторону, чтобы его не растоптали. А тролли принялись отчаянно драться, громко обзывая друг друга всякими, надо сказать, весьма подходящими именами. Немного погодя они повалились на землю и, сцепившись, лягаясь и пинаясь, покатались прямо в костер, а Том колотил их обоих веткой, чтобы образумить, отчего они, естественно, еще больше разъярились.

Тут бы хоббиту самое время улизнуть. Но его бедные мохнатые ножки сильно помял Берт своей лапищей, силы покинули Бильбо, голова кружилась, он лежал за кругом света, падавшего от костра, и отдувался.

В самом разгаре драки вдруг появился Балин. Гномы издалека услышали шум и, напрасно прождав Бильбо или уханья совы, по одному поползли на свет костра. Едва Том увидел в круге костра Балина, он испустил страшный вой. Тролли просто терпеть не могут гномов (во всяком случае – в сыром виде). Берт и Билл мигом перестали драться и зашипели: «Том, мешок, скорей!» И прежде чем Балин, соображавший, где тут в этой кутерьме найти Бильбо, понял, что происходит, на голову ему набросили мешок и он уже лежал на земле.

– Сейчас еще полезут, – сказал Том, – или я здорово ошибаюсь. Это то самое и есть – много и никого. Вззхоббитов – никого, а гномов – много. Я так кумекаю!

– А ведь похоже, ты прав, – подтвердил Берт. – Давайте-ка отойдем от света.

Так они и сделали. Держа наготове мешки, в которых таскали баранов и другую добычу, они притаились в темноте. Стоило появиться очередному гному и застыть в удивлении при виде костра, пустых кружек, обглоданных костей, как – хлоп! – вонючий противный мешок опускался ему на голову, и гном валился на землю. Очень скоро Двалин лежал рядышком с Балином, Фили и Кили тоже лежали вместе, Дори, Нори и Ори были брошены один на другого, а Ойн, Глойн, Бифур, Бофур и Бомбур самым неудобным образом свалены в кучу у костра.

– Будут знать, – сказал Том. Бифур и Бомбур доставили им массу неприятностей, сопротивляясь, как бешеные (все гномы в минуту смертельной опасности сопротивляются, как бешеные).

Последним показался Торин, и его-то уж не захватили врасплох. Он уже ожидал худшего, и ему не надо было видеть ноги своих соратников, торчащие из мешков, чтобы понять, что дела идут не слишком блестяще. Он остановился поодаль, в полумраке, и проговорил:

– Что тут творится? Кто расправился с моими людьми?

– Это тролли! – подал из-за дерева голос Бильбо. – Они прячутся с мешками в кустах.

– Ах так! – сказал Торин и бросился к костру так быстро, что тролли не успели накинуть на него мешок. Он выхватил из костра большую горящую ветку и ткнул ею Берту в глаз. На некоторое время Берт выбыл из строя. Бильбо тоже не зевал – обхватил Тома за ногу, с большим, надо сказать, трудом, так как нога была толщиной с молодое дерево. Но тут же кубарем отлетел и упал прямо в куст, потому что Том, размахнувшись, подбросил ногой в лицо Торину ворох угля. За это Том получил поленом в зубы и потерял передний зуб. Ну и завыл же он! Но в эту самую минуту Вильям подкрался сзади и набросил на Торуна мешок. На этом бой закончился. В плачевном положении очутилась вся компания: гномы лежали, аккуратно увязанные в мешки, в двух шагах сидели трое обозленных троллей, притом двое в ожогах и синяках, и спорили – жарить гномов на медленном огне целиком, или накрошить и сварить, или просто сесть на каждого и раздавить в лепешку. Бильбо лежал на кусте; одежда на нем была изорвана, весь в ссадинах, он не смел шелохнуться, боясь, что его услышат.

И тут-то появился наконец Гэндальф. Но никто его не заметил. Тролли как раз порешили изжарить гномов сразу, а съесть погода. Это была идея Берта, и после долгих пререканий другие двое с ним согласились.

– Чего хорошего – жарить сейчас, всю ночь провозимся, – послышался чей-то голос.

Берт подумал, что говорит Вильям.

– Не начинай снова-здоровая, Билл, – огрызнулся он, – а то и впрямь всю ночь провозимся.

– Кто начинает? – отозвался Вильям, думавший, что те слова произнес Берт.

– Ты начинаешь, – ответил Берт.

– Врешь, – возразил Вильям, и спор начался сначала. В конце концов они договорились искрошить гномов и сварить. Тролли притащили огромный черный котел и достали ножи.

– Да не стоит их варить! Воды под рукой нет, а до колодца топать далеко, – раздался голос.

Берт и Вильям решили, что говорит Том.

– Молчи! – оборвали они его. – А то мы так никогда не кончим. Будешь болтать, пойдешь за водой.

– Сам молчи! – отозвался Том, который думал, что говорил Вильям. – Кто болтает? Ты и болтаешь!

– Балда! – сказал Вильям.

– Сам балда! – отрезал Том.

И они опять заспорили еще яростнее, чем прежде, но в конце концов пришли к соглашению сесть на каждый мешок по очереди и расплющить гномов, а сварить как-нибудь в другой раз.

– На кого первого сядем? – спросил голос.

Берт думал, что говорит Том.

– Давайте сперва на последнего, – ответил Берт, которому Торин повредил глаз.

– Чего ты сам с собой разговариваешь? – сказал Том. – Хочешь на последнего – садись на последнего. Где он тут?

– В желтых чулках, – сказал Берт.

– Ерунда, в серых, – послышался голос, похожий на Вильямов.

– Я нарочно запомнил – в желтых, – настаивал Берт.

– Точно, в желтых, – подтвердил Вильям.

– Так чего ты говоришь – в серых?! – возмутился Берт.

– Не говорил я. Это Том сказал.

– Я-то при чем? – завопил Том. – Сам ты сказал!

– Один двоих не переспорит, заткнись! – скомандовал Берт.

– Ты это кому говоришь? – крикнул Вильям.

– Ну хватит! – сказали Том и Берт вместе. – Ночь кончается, скоро рассвет. За дело!

– Рассвет вас застанет – и камнем всяк станет! – сказал голос, похожий на голос Вильяма.

Но говорил не Вильям.

В эту самую минуту занялась заря и в ветвях поднялся птичий гомон. Вильям уже ничего не мог сказать, ибо, нагнувшись к Торину, превратился в камень, а Берт и Том устали на него и тоже окаменели. Так и стоят они по сей день, совсем одни, разве что птицы на них садятся. Вам, может быть, известно, что тролли обязаны вовремя спрятаться под землю, чтобы рассвет их не застиг, в противном случае они превратятся в скалы, в горную породу, из которой произошли, и застынут навсегда. Именно это и случилось с Бертом, Томом и Вильямом.

– Превосходно! – проговорил Гэндальф, выступая из-за деревьев и помогая Бильбо слезть с колючего куста.

И тут Бильбо все понял. Чародей Гэндальф! Вот чей голос заставил троллей пререкаться так долго, что рассвет наступил и покончил с ними. Гэндальф и Бильбо развязали мешки и выпустили гномов. Те чуть не задохнулись и были в крайне раздраженном состоянии. Еще бы! Разве приятно лежать и слушать, как тролли обсуждают – жарить тебя, раздавить или искрошить?

– Нашел время лазать по карманам, – проворчал Бомбур, – когда главное для нас – найти огонь и пищу.

– Уж чего-чего, а этого у них тебе бы все равно не получить без боя, – сказал Гэндальф. – Но так или иначе сейчас вы теряете время. Ясно, что у троллей должна быть выкопана где-то яма или пещера, куда они прятались от солнца! Не мешает в нее заглянуть!

Они поискали-поискали и вскоре нашли следы каменных сапог, которые вели в лес. Они шли по этим следам вверх по склону холма, пока не дошли до запрятанной в кустах большой каменной двери, которая закрывала вход в пещеру. Но открыть ее не могли, сколько ни толкали все вместе и сколько ни пробовал Гэндальф всякие заклинания.

– Может быть, это подойдет? – спросил Бильбо, когда они совсем выбились из сил и разозлились. – Я нашел его на земле, там, где дрались тролли.

И он протянул большущий ключ, который Вильяму, наверное, казался крохотным и незаметным. Ключ, на их счастье, должно быть, выпал у Вильяма из кармана до того, как тролль обратился в камень.

– Так что же ты раньше молчал? – закричали все хором. Гэндальф выхватил у Бильбо ключ и сунул его в замочную скважину. Один мощный толчок всей компанией – каменная дверь отворилась, и они вошли внутрь. На земле валялись кости, в пещере отвратительно пахло, но среди беспорядочного нагромождения всевозможных трофеев – от медных пуговиц до стоявших в углу горшков, полных до краев золотых монет, – на полках и на земле путники нашли груды еды. По стенам висело много разной одежды, троллям она была явно мала и, боюсь, принадлежала их жертвам. Еще там имелись мечи – самой разной выделки, формы и длины. Два из них сразу бросились в глаза благодаря своим красивым ножнам и рукоятям, усыпанным драгоценностями.

Гэндальф и Торин забрали себе эти два меча, а Бильбо взял кинжал в кожаном чехле. Для тролля этот кинжал был все равно что маленький карманный ножичек, но хоббиту он мог служить мечом.

– Сразу видно – клинки отличные, – сказал чародей, наполовину вытаскивая мечи из ножен и с любопытством разглядывая их. – Их ковали не тролли и не люди из здешних краев, и сделаны они не в наше время. Когда разберем руны, узнаем о них больше.

– Уйдем поскорей отсюда, тут такой омерзительный запах, – взмолился Фили.

Они унесли горшки с монетами и ту снедь, которая выглядела съедобной. А также полный бочонок эля. Они уже были весьма не прочь позавтракать и не стали воротить нос от запасов троллей. Ведь съестного у них оставалось мало. Они подкрепились хлебом и сыром, вдоволь выпили эля и поджарили на углях копченой свинины. Затем легли спать. Как вы понимаете, после такой ночи поспать не грех. Проотдыхав почти до вечера, они привели пони, погрузили на них горшки с золотом, перевезли подальше и закопали недалеко от тропы, шедшей вдоль реки. Они тщательно заколдовали это место и произнесли много заклинаний, рассчитывая вернуться сюда за золотом. Покончив с этим, они сели на пони и затрусили опять по дороге, ведущей на восток.

– Где вы изволили пропадать, если не секрет? – спросил Торин у Гэндальфа дорогой.

– Разведывал, что впереди, – отвечал тот.

– А что вас заставило вернуться так вовремя?

– Привычка оглядываться назад.

– В самом деле! – пробормотал Торин. – А нельзя ли поясней?

– Я пустился вперед обследовать наш путь. Имейте в виду, дорога очень скоро станет опасной и трудной. Меня также беспокоил вопрос, где пополнить наш скудный запас провизии. Только я отъехал, как мне повстречались двое знакомых из Ривенделла.

– Где это? – вмешался Бильбо.

– Не прерывай! – отозвался Гэндальф. – Если нам повезет, ты туда скоро попадешь и сам все узнаешь. Как я уже сказал, я встретил двоих людей Элронда. Они мне и рассказали, что три тролля спустились с гор, обосновались в лесах неподалеку от большой дороги, распугали всех обитателей в округе и подстерегают путников. У меня сразу возникло ощущение, что там, позади, во мне нуждаются. Оглянувшись, я увидел в отдалении костер и поехал прямо на него. Вот теперь вы все знаете. Пожалуйста, в другой раз будьте осторожней, а то мы никуда не доберемся!

– Мы вам весьма признательны! – проговорил Торин.

3. Передышка

Погода исправилась. Но ни в этот день, ни на следующий, ни еще через один путешественники не пели и не рассказывали историй. Им чудилось, будто над ними нависла угроза. Они ночевали под открытым небом, и пони их ели сытнее, чем они сами, так как трава вокруг росла в изобилии, а тюки опустели – запасов, пополненных в пещере троллей, хватило ненадолго. Однажды утром они переправились через реку в мелком месте, где с грохотом перекашивались камни и по воде несло пену. Противоположный берег был крутой и скользкий. Когда они наконец с трудом взобрались на него, ведя под уздцы пони, то увидели высокие горы. Горы словно надвигались на них – казалось, до ближайшей не больше дня пути. Темной и мрачной выглядела эта гора, хотя на ее бурых склонах кое-где лежали полосы солнечного света, а за ней торчали снежные пики.

– Та самая гора? – воскликнул Бильбо, с благоговением глядя на нее округлившимися глазами. В жизни ему не приходилось видеть ничего громаднее.

– Ну что ты! – возразил Балин. – Это начинаются Туманные Горы, а нам надо перебраться через них или под ними. Только тогда мы попадем в Дикий Край. И даже оттуда еще далеко до Одинокой Горы, где Смог стережет наши сокровища.

– Ах так! – произнес Бильбо. И в эту минуту он вдруг почувствовал такую усталость, какой не испытывал прежде. Он опять вспомнил свое удобное креслице у камина в любимой гостиной и услышал, как поет чайник.

Теперь поход возглавлял Гэндальф.

– Если пропустим дорогу, мы пропали, – сказал он. – Прежде всего нам нужна провизия, а потом отдых в достаточно безопасном месте. К Туманным Горам нужно приступать, зная правильную дорогу, а то легко и заблудиться.

Когда они спросили, куда он их ведет, Гэндальф ответил:

– Вы подошли, как некоторым из вас, вероятно, известно, к самой границе Дикого Края. Где-то впереди прячется прекрасная долина Ривенделл, там, в Последнем Домашнем Приюте, живет Элронд. Я послал ему весточку через своих знакомых, и нас ждут.

Звучало это приятно и утешительно, но туда надо было еще дойти, а не так-то легко отыскать дорогу в Последний Домашний Приют. Местность впереди неуклонно и постепенно

повышалась к подножию ближайших гор; ничто не нарушало ее однообразия – не было ни деревьев, ни расщелин, ни холмов, лишь широкий склон цвета вереска и крошащиеся скалы с редкими зелеными пятнами травы и мха, свидетельствовавшими о присутствии воды.

Утро миновало, день перевалил за середину, но по-прежнему в безмолвной пустыне не появлялось никаких признаков жилья. Путешественников обуяло нетерпение. Прямо под их ногами вдруг открывались лощины с обрывистыми склонами, где внизу, к их удивлению, росли деревья и протекали речки. Возникали расщелины, такие узкие, что на первый взгляд их ничего не стоило перепрыгнуть, но они были невероятно глубокие, и на дне их kloкотали водопады. Встречались темные овраги, через которые нельзя перепрыгнуть и куда нельзя спуститься. Попадались трясины, с виду казавшиеся зелеными и веселыми лугами в ярких цветах. Но если на них ступал пони с поклажей, он исчезал навсегда.

На поверку от брода до гор оказалось намного дальше, чем путники предполагали. Единственная тропа была отмечена белыми камнями – и совсем маленькими, и большими, наполовину скрытыми мхом и вереском. Гэндальф то и дело нагибался с коня, мотая бородой, и выискивал белые камушки; остальные следовали за ним.

День начал склоняться к вечеру, а поискам не было конца. Давно прошло время чая, быстро смеркалось, луна еще не взошла. Пони под Бильбо начал спотыкаться о корни и камни. И вдруг они очутились на краю крутого обрыва, да так неожиданно, что конь Гэндальфа чуть не кувырнулся вниз.

– Ну вот, мы и пришли! – воскликнул волшебник, и все столпились вокруг него и заглянули вниз. Там они увидели долину, услышали журчание воды, спешившей по каменному ложу. В воздухе стоял аромат зелени, по ту сторону реки виднелись огоньки.

Бильбо никогда не забыть, как они скользили и скатывались в сумерках по крутой извилистой тропе вниз, в укромную долину Ривенделл. Делалось все теплее, сосновый дух подействовал на Бильбо усыпляюще, он поминутно клевал носом, чуть не падая с пони, и несколько раз ткнулся носом ему в холку. По мере того как они спускались, настроение у них подымалось. Сосны сменились буками и дубами, потемки убаюкивали. Когда они выехали на прогалину совсем близко к потоку, стало темно, все краски померкли.

«Хм-м, пахнет эльфами!» – подумал Бильбо и посмотрел вверх на звезды. Они мерцали ярким голубым светом. И тут среди деревьев неожиданно, как взрыв смеха, зазвучала песня:

Да что вы, да что вы,
Куда вы, куда вы?
Сносились подковы,
Тут всюду канавы,
Манит вас опушка,
Журчит здесь речушка,
Ха-ха!

Останьтесь-ка лучше,
По нашему зову.
Костер лижет сучья,
Лепешки готовы.
Тра-та, тра-та-та-та,
В долину, ребята,
Ха-ха!

Куда ж вы, бедняги?

В лесу что-то рыщут,
Трепещут, как флаги,
У них бородачи.
И Фили, и Кили
На пони вскочили
В лесу,
Ха-ха!

У нас бы остались,
Чем мчаться в тревоге,
Ведь пони устали
И сбились с дороги.
День клонится к ночи,
Останься, кто хочет,
И песенке этой
Внимай до рассвета,
Ха-ха!⁴

Там, в деревьях, какие-то существа хохотали и пели и, признаться, мололи порядочную чепуху. Но их это не смущало, и если бы вы им сказали об этом, они бы рассмеялись пуще прежнего. Конечно, то были эльфы.

Бильбо даже разглядел их в сгущавшейся темноте. Он немножко побаивался эльфов, но в то же время они ему нравились, хотя он редко сталкивался с ними. Гномы – те не очень ладят с эльфами. Даже такие рассудительные гномы, как Торин и его друзья, считают эльфов глупыми (а считать эльфов глупыми – как раз и есть самая настоящая глупость). Эльфы их раздражают, потому что любят дразнить гномов и подшучивать над их бородами.

– Вот так потеха! – сказал какой-то голос. – Вы только поглядите! Хоббит Бильбо верхом на пони! Какая прелесть!

– Чудеса да и только!

Тут они принялись петь новую песню, такую же несуразную, как и та, что я записал дословно. Наконец высокий молодой эльф вышел из-за деревьев и поклонился Гэндальфу и Торину.

– Добро пожаловать в долину! – произнес он.

– Благодарим вас! – чуть-чуть сердито ответил Торин. Но Гэндальф уже сошел с лошади и весело болтал с эльфами.

– Вы немного сбились с дороги, – сказал первый эльф, если, конечно, вы ищете дорогу, которая ведет через реку к дому на той стороне. Мы вам ее покажем. Но к мосту и через мост лучше идти пешком. Не хотите ли немножко побыть с нами и попеть? Или поедете дальше сразу? Там готовят ужин, – добавил он, – от костров тянет дымом.

Как ни устал Бильбо, он с удовольствием задержался бы в лесу. Пение эльфов июньской ночью под звездным небом стоит послушать, если вам нравятся такие вещи. Бильбо хотелось перекинуться несколькими словами с этими существами, которые знали, как его зовут и кто он такой, хотя он их никогда раньше не видел. Эльфам известно многое, они, как никто, подхватывают новости на лету и быстрее, чем падает водопад, узнают обо всем, что творится на земле.

Но гномы единодушно стояли за ужин, притом не откладывая, и потому не пожелали задерживаться. Они двинулись дальше, ведя пони под уздцы. Эльфы вывели их на хорошую тропу на самый берег реки. Она бежала быстро, с шумом, как все горные потоки в летние

⁴ Здесь и дальше стихи в переводе Г. Усовой.

вечера после того, как солнце весь день растапливает снег на вершинах. На тот берег шел каменный мостик без перил, такой узкий, что пони с трудом могли по нему пройти. Пришлось продвигаться осторожно, по одному, ведя за собой пони. Эльфы светили им яркими фонариками и пели веселую песенку, пока вся компания переправлялась через реку.

– Не обмакни бороду в воду, папаша! – кричали эльфы Торину, который шел через мост, согнувшись в три погибели. – Ее смачивать не надо – она и так выросла длинная!

– Следите, чтобы Бильбо не съел все кексы! – кричали другие. – Такой толстяк не пролезет в замочную скважину!

– Тише, тише, Добрый Народ! Спокойной ночи! – остановил их Гэндальф, который замыкал шествие. – И долины имеют уши, а некоторые эльфы – чересчур длинные языки. Спокойной ночи!

Наконец они подошли к Последнему Домашнему Приюту, двери которого были гостеприимно распахнуты.

Странное дело: о том, что хорошо, о днях, которые провел приятно, рассказывается скоро, и слушать про них не так уж интересно. А вот про то, что неприятно, что вызывает страх или отвращение, рассказы получаются долгими и захватывающими.

Путешественники провели в гостеприимном доме немало дней, по меньшей мере четырнадцать, и покидать его им не хотелось. Бильбо с радостью оставался бы там еще и еще, даже если бы мог без всяких хлопот по одному только желанию перенестись домой, в хоббичью норку. И все же рассказать об их пребывании там почти нечего.

Хозяин дома Элронд был друг эльфов и предводитель тех людей, у которых в предках числились эльфы и открыватели Севера.

Он был благороден и прекрасен лицом, как повелитель эльфов, могуч, как воин, мудр, как колдун, величествен, как король гномов, и добр, как нежаркое лето. Дом Элронда был само совершенство; там было хорошо всем – и тем, кто любит поесть и поспать, и тем, кто любит трудиться, и кто любит слушать или рассказывать истории, петь или просто сидеть и думать, и тем, кому нравится все понемножку.

Злу не было места в долине.

Наши путешественники и их пони за несколько дней отдохнули и набрались сил. Настроение у них исправилось, одежду им починили, синяки и царапины залечили, наполнили мешки едой, легкой по весу, но очень питательной, и надавали много полезных советов. Так они дожили до кануна Иванова дня и с восходом солнца в Иванов день должны были отправиться дальше.

Элронд в совершенстве знал руны. За день до отъезда он осмотрел мечи, найденные в логовище троллей, и сказал:

– Их ковали не тролли. Мечи старинные, работы древних великих эльфов, с которыми я в родстве. Мечи делали в Гондолине для войны с гоблинами. Должно быть, они застряли в сокровищнице какого-нибудь дракона или стали добычей гоблинов – ведь драконы и гоблины разрушили город Гондолин много веков назад. Этот меч – знаменитое оружие, Торин, на языке рун он именуется Оркрисст, что в переводе на гондолинский означает Сокрушитель Гоблинов. А этот меч, Гэндальф, зовется Глемдринг – Молотящий Врагов – некогда его носил король Гондолина. Берегите их!

– Интересно, как они попали к троллям? – проговорил Торин, с любопытством разглядывая свой меч.

– Наверное сказать нельзя, – ответил Элронд, – но можно догадаться, что ваши тролли ограбили других грабителей или раскопали остатки чужих трофеев, припрятанных где-то в горах.

Торин задумался над его словами.

– Я буду беречь его как зеницу ока, – сказал он. – Да сокрушит он гоблинов, как встарь!

– Вашему пожеланию, возможно, суждено сбыться, едва вы очутитесь в горах, – заметил Элронд. – Теперь покажите карту!

Он развернул ее и долго разглядывал, качая головой. Элронд не очень одобрительно относился к гномам – вернее, не очень одобрял их любовь к золоту, – но он ненавидел драконов, их жестокость и коварство. С сожалением он вспоминал веселые колокола города Дейла, так как видел потом его развалины и опаленные берега реки Быстротечной. На карту падал свет широкого серебряного месяца. Элронд поднял карту кверху и посмотрел на просвет.

– Что это? – воскликнул он. – За простыми рунами, говорящими: «Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», – проступают лунные буквы!

– Что за лунные буквы? – Хоббит не мог долее сдерживаться. Я уже говорил, как ему нравились карты. Еще ему нравились руны и вообще всякие необычные буквы и затейливые почерки. У самого у него почерк был не ахти какой.

– Лунные буквы – те же руны, но обычно они не видны, – ответил Элронд. – Их разглядишь только в лунные ночи, когда луна светит на них сзади, а есть такие хитрые лунные буквы, что видны только при той фазе луны, в какой она была, когда их начертали. Их изобрели гномы и писали серебряными перьями. Эти надписи, очевидно, сделаны в такую, как сегодня, ночь – в канун Иванова дня.

– Что они означают? – спросили Гэндальф и Торин одновременно, немного раздосадованные тем, что Элронд обнаружил такую вещь первым, хотя и то сказать: до сих пор такого случая не представлялось.

– «Стань в Дьюрин день у серого камня, когда прострекочет дрозд, – прочел Элронд, – и заходящее солнце бросит последний луч на дверную скважину».

– Дьюрин, ну как же! – промолвил Торин. – Он был старейшим из старейшин древнего рода гномов Длиннобородых и моим самым первым предком. Я – потомок Дьюрина.

– Что же такое Дьюрин день? – поинтересовался Элронд.

– Как всем должно быть известно, мы называем Дьюриным тот день, когда последняя осенняя луна и солнце стоят в небе одновременно. Боюсь, что нам это знание не очень-то поможет, так как в наше время утрачено умение вычислять, когда же наступит такой день.

– Это мы посмотрим, – вмешался Гэндальф. – Что-нибудь еще написано?

– При сегодняшней луне больше ничего не разобрать, – ответил Элронд и отдал карту Торину. После чего все спустились к воде посмотреть, как пляшут и поют эльфы.

Утро Иванова дня было такое прекрасное, о каком можно только мечтать: на голубом небе ни облачка, лучи солнца танцевали на воде. Путешественники выехали в путь, сопровождаемые прощальными песнями и добрыми напутствиями. Они были готовы к дальнейшим приключениям и твердо знали дорогу, которая их выведет через Туманные Горы в лежащую за ними страну.

4. Через горы и под горой

Десятки тропинок вели в горы, изрезанные множеством расселин. Но тропинки по большей части оказывались ложными или заводили в тупик. В расселинах же гнездилась всякая нечисть и подстерегали страшные опасности.

Много дней и много миль пролегло между нашими путешественниками и Последним Домашним Приютом. Они поднимались все выше и выше, тропа была трудная, опасная, путь окольный, пустынный, бесконечный. Если глянуть назад – внизу расстилась местность, которую они не так давно покинули. Далеко-далеко на Западе, в сиреновой дымке лежала родная страна Бильбо, мир безопасный и уютный, и в нем – его собственная хоббичья норка. Становилось все холоднее, между скал свистел пронзительный ветер.

Порой со склонов скатывались камни, вырвавшиеся из растопленного дневным солнцем снега, и проскакивали между путешественниками или пролетали над головой. Ночи были промозглые, неуютные, путешественники не смели петь и громко разговаривать, так как эхо раскатывалось самым жутким образом, и тишина явно хотела, чтобы ее не нарушало ничто, кроме шума воды, воя ветра и стука камней. «Там внизу разгар лета, – думал Бильбо, – косят траву, устраивают пикники... Мы еще с гор не начнем спускаться, а там уже пойдут жатва и сбор ягод».

Остальным приходили в голову не менее унылые мысли. А между тем с Элрондом они прощались в самом радужном настроении и предвкушали, как перевалят через горы и быстро поскачут дальше. Они даже рассчитывали добраться до потайной двери в Одинокой Горе той же осенью в новолуние. «Может быть, как раз поспеем в Дьюрин день», – говорили они.

Только Гэндальф качал головой и помалкивал. Гномы уже много лет не ходили этой дорогой, но Гэндальф бывал тут и знал, что с тех пор, как драконы выжили отсюда людей и гоблины расселились здесь после проигранной гномами битвы при рудниках Морайи, зло безнаказанно царит в Диком Краю и путников всюду подстерегают опасности. Даже продуманные планы мудрых чародеев вроде Гэндальфа и добрых людей вроде Элронда могут провалиться, когда совершаешь опасное путешествие по Дикому Краю. Гэндальф был достаточно мудр, чтобы понимать это. Он знал, что в любую минуту может случиться непредвиденное, и не надеялся, что удастся обойтись без страшных происшествий во время перехода через высокие горы с

их недоступными пиками и зловещими долинами, где властвует беззаконие. Обойтись и не удалось!

Все шло хорошо, пока однажды они не попали в грозу, да какую! Казалось, гремит гром не грозовой, а пушечный. Всякий знает, как страшно бушуют гром и молнии в горах, ночью, когда две грозы идут войной друг на друга. Молнии раскалываются, ударяясь об вершины, скалы содрогаются, ужасные раскаты грома сотрясают воздух, эхо разносится по всем пещерам и углублениям, и тьма наполняется оглушающим грохотом и сверканием.

Бильбо никогда ничего подобного не видел и даже вообразить не мог. Они находились высоко в горах на узкой площадке, на краю головокружительного обрыва, отвесно уходящего вниз. Они устроились на ночлег под нависшей скалой; Бильбо лежал, закутавшись в одеяло, и дрожал всем телом. Выглядывая одним глазком из-под одеяла, он видел при вспышках молнии по другую сторону долины каменных великанов, которые перебрасывались обломками скал, ловили их и снова швыряли во мрак; обломки сыпались вниз, в гущу деревьев, или с грохотом разлетались вдребезги. Потом поднялся ветер и полил дождь; ветер хлестал дождем и градом со всех сторон, так что навес перестал быть защитой. Скоро путешественники промокли. Пони их стояли, понунив головы, поджав хвосты, некоторые тихонько ржали от страха. Слышно было, как великаны гогочут и перекликаются по всем склонам.

– Так не годится! – сказал Торин. – Если даже нас не сдует ветром, или не смоем дождем, или не поразит молнией, то любого может схватить великан и поддать ногой, как футбольный мяч.

– Коли знаете местечко получше, так возьмите и отведите нас туда! – сварливым тоном отозвался Гэндальф, которого тоже не радовало соседство великанов.

После некоторых препирательств решили послать Фили и Кили поискать убежище поудобнее. Зрение у них было острое, а поскольку они были моложе других гномов лет этак на пятьдесят, то им всегда давали такие поручения (когда становилось ясно, что бессмысленно посылать Бильбо). «Когда ищешь, то обязательно находишь», – так сказал младшим гномам Торин. Спору нет, если ищешь, то всегда что-нибудь найдешь, но совсем не обязательно то, что искал. Так получилось и на этот раз.

Вскоре Фили и Кили ползком явились назад, держась за скалы, чтобы не снесло ветром.

– Мы нашли сухую пещеру, – заявили они, – тут за углом. Там всем хватит места, для пони тоже.

– А вы как следует ее осмотрели? – спросил волшебник. Он-то знал, что горные пещеры редко пустуют.

– Еще бы! – ответили они, хотя всем было ясно, что осмотреть внимательно у них не хватило времени – так быстро они вернулись.

В том и состоит коварство пещер, что никогда не знаешь, далеко ли пещера простирается, куда она выведет и что подстерегает вас внутри. Сведения, принесенные Фили и Кили, показались вполне удовлетворительными. Ветер по-прежнему завывал, и гром гремел, и им стоило больших трудов добраться вместе с пони до пещеры. Хорошо, что до нее было действительно недалеко: они скоро уперлись в скалу, выступавшую на тропинку, и, обогнув ее, обнаружили в стене низкий ход. Сквозь отверстие как раз протиснулись расседланные, без поклажи пони. Так приятно было слушать, как снаружи беснуются ветер и дождь, и чувствовать себя в безопасности от великанов и их каменных мячей. Но волшебник ни в коем случае не хотел рисковать: он зажег свой посох, как когда-то (так давно!) в столовой у Бильбо, и они обследовали пещеру вдоль и поперек.

Пещера была порядочных размеров, но не слишком велика и не очень таинственна. Сухой пол, уютные закоулки. Ойн и Глойн хотели развести на пороге костер, чтобы обсушить вещи, но Гэндальф строго-настрого запретил. Тогда все расстелили мокрую одежду прямо на земле, вытащили сухую из тюков, завернулись в одеяла, достали трубки и принялись пус-

кать колечки. Гэндальф, чтобы доставить друзьям удовольствие, окрашивал колечки в разные цвета и заставлял плясать под сводами. Путешественники болтали-болтали и совсем забыли про грозу. Они обсуждали, что каждый сделает со своей долей золота (сейчас оно не казалось им недоступным). Потом они один за другим заснули.

Как показала эта ночь, они хорошо сделали, взяв в путешествие Бильбо. Он долго не спал, а когда наконец заснул, то видел отвратительные сны. Ему снилось, будто трещина в задней стене пещеры растет, раскрывается все шире и шире; ему стало страшно, но он не мог крикнуть, не мог пошевелиться и просто лежал и смотрел. Потом ему приснилось, будто пол пещеры наклоняется и сам он падает, катится – неизвестно куда!

Он сильно вздрогнул и проснулся и тут же понял, что то был не совсем сон. Трещина в конце пещеры действительно разошлась и превратилась в широкий проход, в щели мелькнул хвост последнего пони и исчез. И тут Бильбо завопил, да так громко и пронзительно, как умеют вопить только хоббиты, несмотря на свой маленький рост. И тогда в одно мгновение, не успели бы вы проговорить «ой, стой!», из трещины посыпались гоблины, большие-пребольшие, уродливые-преуродливые – несметные толпы гоблинов. На каждого гнома их пришлось по шесть штук, и даже на Бильбо – два. Они похватили наших путешественников и протащили через щель так быстро, что вы не успели бы молвить «куда – беда!». Но Гэндальфа они не успели сграбастать! И причиной тому был вопль Бильбо. Волшебник проснулся в мгновение ока, как будто и не спал, и когда гоблины подступили к нему, в пещере сверкнул ослепительный свет, запахло порохом и нескольких гоблинов убило на месте. Щель со стуком сомкнулась, и Бильбо и гномы очутились по другую ее сторону! Куда же девался Гэндальф? Этого не знали ни они, ни гоблины, да гоблины и не стали этого выяснять. Они продолжали тащить Бильбо и гномов. Вокруг стояла темень сплошная, непроницаемая, в такой тьме умеют видеть только гоблины, привыкшие жить в глубине гор. Проходы шли во всех направлениях, пересекаясь, перепутываясь, но гоблины знали нужную дорогу так же хорошо, как вы знаете дорожку к ближайшей почте. Тропа все спускалась и спускалась, и внизу была невыносимая духота. Гоблины вели себя грубейшим образом, безжалостно щипали пленников и хохотали ужасным деревянным смехом.

Наконец впереди замерцал красный свет, и гоблины запели, затянули хриплыми головами жуткую песню, пришепывая в такт плоскими ступнями по камням и потряхивая своих пленников:

Хлоп! Стоп! Вот тебе в лоб!
Глядь! Хвать! Как тебя звать?
Живут гоблины тут,
Эй, смелей, сюда!

Стук! Звон! Топот и стон!
Раз-два – молоток! Три-четыре – свисток!
Вперед в подземный ход,
Эй, шевелись побыстрей!

Треск! Свист! Кнут, хлыст!
Бей и стучи! Рычи и мычи!
Врешь, врешь! От нас не уйдешь!
Гоблины пьют, хохочут, поют –
А ну-ка вперед, в подземный ход,
Живей, живей, живей!

Звучало это устрашающе. Стены содрогались от «хлоп, стоп», «треск, свист» и от безобразного смеха. Смысл песни был достаточно ясен: гоблины достали кнуты и погнали пленников перед собой, хлеща их: вжик, вжик! Гномы жалобно стонали и повизгивали. И вдруг все они ввалились в огромную пещеру.

Посредине пылал большой красный костер, по стенам горели факелы, в пещере было полно гоблинов. Все они загоготали, затопали ногами и захлопали в ладоши, когда внутрь бежали гномы, и последним (а значит, ближе всего к кнутам) – бедняга Бильбо. За ним, гикая и щелкая кнутами, следовали погонщики. В углу сбились в кучу пони, на земле валялись тюки и мешки, вспоротые и развороченные; гоблины рылись в них, обнюхивая вещи, ощупывая их и переругиваясь. Как это ни печально, гномы больше никогда не видели своих отличных пони, в том числе крепенького веселого белого, которого одолжил Гэндальфу Элронд, так как лошадь не смогла бы пройти по горным тропам. Скажу по секрету: гоблины едят лошадей, и пони, и осликов, и кое-кого еще и вечно голодны. Но сейчас пленникам было не до пони, они думали только о себе. Гоблины сковали им руки за спиной, привязали всех гуськом к одной длинной цепи и поволокли в дальний угол пещеры. Малютка Бильбо болтался в самом хвосте.

В углу, в полумраке, на большом плоском камне восседал большущий гоблин с огромной головой, а вокруг стояли воины, вооруженные топорами и кривыми мечами. Гоблины, надо сказать, жестокие, злобные и скверные существа. Они не умеют делать красивых вещей, но зато отлично делают все злодейское. Они не хуже гномов, исключая наиболее искусных, умеют рыть туннели и разрабатывать рудники, когда захотят, но сами они всегда грязные и неопрятные. Молоты, топоры, мечи, кинжалы, мотыги, клещи и орудия пытки – все это они прекрасно делают сами или заставляют делать других. Другие – это пленники, рабы, которые работают на них, пока не умрут от недостатка воздуха и света. Не исключено, что именно гоблины изобрели некоторые машины, которые доставляют неприятности человечеству, особенно те, которые предназначаются для уничтожения большого числа людей за один раз. Механизмы, моторы и взрывы всегда занимали и восхищали гоблинов. Однако в те времена, о которых мы рассказываем, и в той дикой местности гоблины еще не доросли до такой стадии цивилизации (так это называется). Они ненавидели всех без разбора, особенно порядочных и процветающих, а не то что питали именно к гномам особую ненависть. В некоторых местностях отдельные бесовские гномы даже заключали с гоблинами союзы. Но к гномам того племени, к которому принадлежал Торин, гоблины питали самую настоящую вражду из-за войны, о которой мы уже упоминали, но о которой речь здесь не пойдет. А вообще-то гоблинам все равно кого поймать, лишь бы застать жертву врасплох, чтобы та не могла защищаться.

– Кто эти жалкие отродья? – спросил Верховный Гоблин.

– Гномы и вот этот! – ответил один из погонщиков, дернув цепь так, чтобы Бильбо упал на колени. – Они прятались в нашей передней галерее.

– С какой стати? – обратился Верховный Гоблин к Торину. – Поручусь, что затевали какую-нибудь пакость! Подозреваю, что шпионили за моим народом! Нисколько не удивлюсь, если они воры! А еще вероятнее, убийцы! И еще, чего доброго, друзья эльфов! Ну! Что скажете?

– Гном Торин, к вашим услугам! – произнес Торин (это была простая вежливость, как вы понимаете). – В тех поступках, которые вы нам приписываете, мы не виноваты. Мы укрывались от грозы в удобной и пустой, как нам показалось, пещере. В наши намерения никоим образом не входило беспокоить гоблинов! – И это была правда!

– Гм! – сказал Верховный Гоблин. – Так, значит! А могу я осведомиться, что вам вообще понадобилось в горах и откуда вы взялись и куда направлялись? Я бы хотел знать о вас все. Правда, это вам мало поможет, Торин Оукеншильд, мне и так достаточно известно о вашем племени. Но лучше выкладывайте все начистоту.

– Мы отправились в путь, желая повидать наших родственников: племянников и племянниц, кузенов и кузин, троюродных и четвероюродных братьев и сестер и других потомков наших общих предков, которые проживают к востоку от этих поистине гостеприимных гор, – ответил Торин. Он находился в затруднении: как выложить все начистоту в условиях, где правда не слишком уместна.

– Он лжет, о величайший из великих! – вмешался один из погонщиков. – Несколько наших были поражены молнией в пещере, когда мы предложили этим существам спуститься с нами вниз. Наши умерли на месте. И потом, как он объяснит вот это? – Тут гоблин показал меч Торина – меч из логовища троллей.

Верховный Гоблин бросил взгляд на меч и испустил леденящий душу вой ярости и злобы, и все воины заскрежетали зубами, загрохотали щитами и затопали ногами. Они сразу признали меч. В свое время, когда светлые эльфы Гондолина теснили гоблинов и сражались с ними под стенами своего города, этот меч убил сотни гоблинов. Эльфы называли его Оркрист, или Сокрушитель Гоблинов, но сами гоблины прозвали его просто Кусач. Они ненавидели его и еще больше тех, в чьих руках он находился.

– Убийцы гоблинов и друзья эльфов! – завопил Верховный Гоблин. – Рубите их! Хлещите их! Кусайте их! Грызите их! Бросить их в ямы со змеями, чтоб не видели они больше дневного света!

Он до того остервенился, что спрыгнул с трона и, разинув пасть, кинулся на Торина.

В этот миг все огни в пещере разом потухли и из костра – п-ф-ф! – взметнулся до самого свода столб синего раскаленного дыма, разбрасывая белые колючие искры, которые стали жечь гоблинов. Невозможно описать, какой поднялся визг, писк, вой, беготня и трескотня, рычание и ворчание. Сотни диких кошек и волков, если бы их поджаривали живьем всех вместе на медленном огне, не могли бы поднять такой невообразимый шум-гам. Искры прожигали гоблинов насквозь; гарь, наполнившая пещеру, была такой густой, что даже глаза гоблинов, привычные к тьме, не могли ничего разглядеть. Скоро все гоблины катались по полу, сцепившись клубками, кусаясь, лягаясь, пинаясь и колошматя друг друга, как сумасшедшие.

Внезапно сам собой сверкнул меч и пронзил Верховного Гоблина. Тот упал мертвым, а его воины с диким визгом бросились врассыпную и исчезли в темноте.

Меч вернулся в ножны.

– Быстро за мной! – приказал спокойно, но сурово чей-то голос. И ничего не успев сообщить, Бильбо опять затрусил в конце цепочки по темным переходам, а визг и вой гоблинов постепенно затихли вдали.

– Скорей! Скорей! – торопил голос. – Сейчас опять зажгут факелы.

– Одну минутку! – попросил Дори, шедший перед Бильбо. Он, насколько позволяли связанные руки, помог хоббиту вскарабкаться ему на спину, и затем все пустились вперед бегом, позвякивая цепями, спотыкаясь и чуть не падая. Они бежали вперед не останавливаясь, бежали долго и, вероятно, уже находились в самой глубине гор.

И тут Гэндальф зажег свой посох. Конечно же, все это было делом рук Гэндальфа. Но пока им некогда было расспрашивать его, откуда он взялся. Он опять вытащил меч, и опять меч засветился во мраке. Сперва, когда вокруг были гоблины, меч пылал от гнева, а теперь он светился тихим голубым светом, довольный тем, что убил повелителя гоблинов. Ему ничего не стоило перерубить цепи, и он в два счета освободил пленников. Меч звали Глемдринг, то есть Молотящий Врагов, если помните. Гоблины прозвали его Колотун и ненавидели еще больше, чем Кусача, если это возможно. Оркрист тоже удалось спасти: Гэндальф выхватил его из рук остолебеневшего стражника. Гэндальф вообще успевал о многом подумать, и хотя не был всемогущим, многое мог сделать для друзей, чья жизнь подвергалась опасности.

– Все тут? – спросил он, с поклоном вручая Торину меч. – Ну-ка: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... постойте, где же Фили и Кили? Ага,

здесь! Двенадцать, тринадцать и мистер Бэггинс четырнадцатый. Неплохо, могло быть и хуже, но, опять же, могло быть и получше. А так – ни пони, ни пищи; где мы – неизвестно, и по пятам гонится орда разозленных гоблинов. Вперед!

И они двинулись вперед. Гэндальф оказался прав: позади в темных переходах, которые они только что покинули, послышались шум, топот и ужасные крики гоблинов. Гномы припустили еще быстрее, а поскольку Бильбо не мог за ними угнаться, то они взяли нести его по очереди на спине.

И все-таки гоблины бегают быстрее гномов, к тому же они лучше знали дорогу, так как сами прорывали ходы, вдобавок они обезумели от ярости. Так что гномы, как ни старались уйти от преследования, вскоре услышали приближающиеся крики и завывания. Шлепанье множества ног слышалось буквально за ближайшим поворотом. В туннеле позади них замелькали огни факелов. А гномы уже выбились из сил.

– Зачем, ах зачем покинул я мою норку! – повторял несчастный мистер Бэггинс, подпрыгивая на спине у Бомбура.

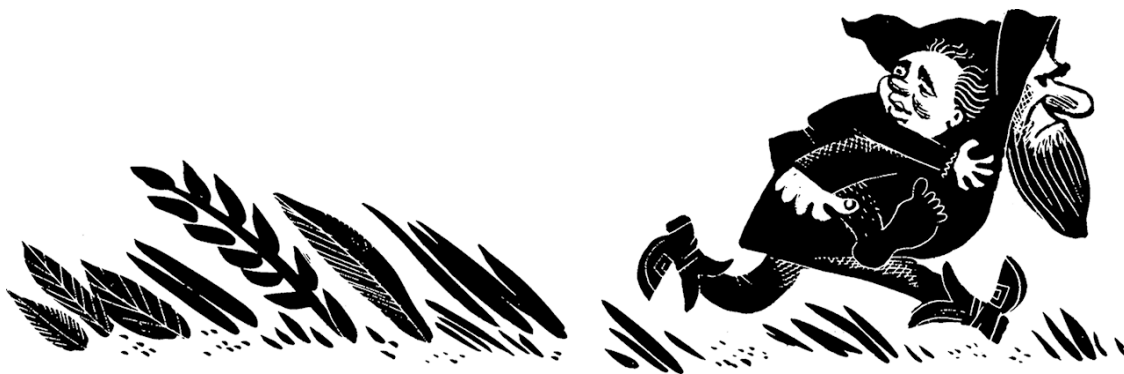
– Зачем, эх зачем брали мы с собой в поход этого недотепу! – повторял бедный толстяк Бомбур, пошатываясь под ношей. От жары и страха пот капал у него с носа.

В этот момент Гэндальф немного отстал, и Торин, последовал его примеру. Они свернули за угол.

– Меч из ножен, Торин! – крикнул волшебник.

Ничего другого им не оставалось. Ух, как не понравилось это гоблинам! На полном ходу они выскочили из-за угла – и вдруг Сокрушитель Гоблинов и Молотящий Врагов остро и ярко сверкнули им в глаза. Передние выронили факелы и испустили предсмертный вой. Средние завопили еще громче и бросились назад, сшибая бежавших за ними. «Кусач и Колотун!» – завизжали они. Началась паника, гоблины, оставшиеся в живых, опрометью помчались обратно.

Еще долго гоблины не осмеливались заглянуть за страшный поворот. Тем временем гномы успели углубиться далеко-далеко в темные ходы царства гоблинов. Сообразив это, уцелевшие гоблины снова зажгли факелы, надели мягкие башмаки и пустили вслед за гномами своих самых быстрых скороходов с острым слухом и зрением. Те помчались вперед в темноте быстро, как хорьки, и бесшумно, как летучие мыши. Потому-то ни Бильбо, ни сам Гэндальф не слышали их приближения. И не видели их. Но зато гоблины различали беглецов прекрасно, так как посох Гэндальфа испускал слабый свет, освещая гномам дорогу. Внезапно Дори, который теперь оказался последним и нес Бильбо, схватили за ногу. Дори закричал и грохнулся на землю, а хоббит полетел в черноту, стукнулся головой о камень и потерял сознание.

5. Загадки в темноте

Когда Бильбо наконец открыл глаза, то не понял даже, открыл ли их: такая вокруг стояла непроницаемая темень. Поблизости ни души. Представьте себе, как Бильбо испугался! Он ничего не слышал, ничего не видел и ничего не ощущал, кроме холодного каменного пола под собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.